

А Л Б Е Р Т Ъ,
И Л И
СТРАТНАВЕРНСКАЯ
ПУСТЫНЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

АЛБЕРТЪ,
ИЛИ
СТРАТНАВЕРНСКАЯ
ПУСТЫНЯ.

Сочиненіе Г-жи Гельмъ.

Перевелъ съ Французскаго
Яковъ Лизогубъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О Р Е Л Ъ.

Въ Губернскай Типографіи.
1822.

Печатать позволяется съ
тѣмъ, чтобы по напечатаніи,
до выпуска изъ Типографіи,
представлены были въ Цензур-
ный Комитетъ: одинъ экзем-
пляръ сей книги для Цензур-
наго Комитета, другой для
Департамента Министе р-
ства Просвѣщенія, два экзем-
пляръ для Императорской
Публичной Библіотеки и одинъ
для Императорской Ака-
деміи Наукъ. Москва, 1821 года,
Ноября 24 дня. Сію рукопись
разсматривалъ О. Профессоръ
Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Левъ Цвѣтаевъ.

А Л Б Е Р Т Ъ.

Г Л А В А Х Х I.

*Неудовольствіе на самого себя. Неприятныя размышленія.
Посидинокъ.*

Фридерикъ и Бернерсъ наблюдали глубокое молченіе до самой вварширы своей, такъ-то оба они были огорчены и посрамлены. Разходясь по своимъ спальнямъ, Бернерсъ съ великимъ смущеніемъ сказалъ своему другу: „Я надѣюсь, ты позволишь мнѣ завтра быть тебѣ товарищемъ?—Въ этомъ

случаѣ я почишаю за нужное отъазать въ твоёмъ пребываніи, и попрошу капитана Вайсона быть моимъ свидѣтелемъ; а твое присутствіе можетъ лишь здѣлать еще хуже это дѣло. Я сердечно сожалѣю о всемъ, что ты для меня претерпѣлъ, но прошу тебя забыть прошедшее если можно. — Чтобъ я пропалъ, если ты не найдешь завтра Монгомери величайшимъ трусомъ! Какъ онъ очень смелъ, то и пользуется симъ преимуществомъ; а глупцы и принимаютъ его буйство за храбрость.... Впрочемъ дѣлай, что тебѣ угодно; я принимаюсь однакожъ, что не ожидалъ всего ошмаза. Но я

отпущу за себя, во чтобы то ни стало; хотя бы мнѣ самому для того погибнуть было должно. “

Фридрихъ пожалъ ему руку и удалился въ свою комнату, преслѣдуемый самыми неприятными размышленіями. „Благополучіе было очень близко меня, думалъ онъ, и я самъ разрушилъ его. На мѣсцѣ Монгомери не ставъ ли бы и я поступилъ? Конечно нѣтъ. Одиъ я виновенъ . . . Еще нѣсколько мѣсяцевъ . . . и Маріана могла быть моею женою!.. Я жестоко ее оскорбилъ, она ненавидитъ, презираетъ меня—и гнѣвъ ее оправдалъ!.. Ахъ! за чѣмъ послѣдовалъ я совѣтамъ Бернера? . . . Одна-
Албертъ Ч. II. А я:

комъ бѣдникъ сей дѣлалъ это, чтобъ угодить мнѣ; дружба его ослабляла... Онъ жестоко за то наказанъ... И я долженъ мстить за него!... А какъ!... Боже правосудный!... сражался, можешь быть лишая жизни брата Маріянны!... Если счастье будетъ мнѣ благопріятно, я заблаюсь навсегда презрѣннымъ въ собственныхъ моихъ глазахъ и ненавистнымъ той, которую обожаю. Еслижъ я паду, то кто меня оплачетъ? Никто. — ... Я скоро буду всѣмъ забытъ.“

Послѣ таковыхъ размышлений, которыя въ разныхъ видахъ представлялись воображенію Фридерика, онъ напя-

свалъ два письма, одно въ своей теткѣ, а другое въ Маріинѣ; и потомъ, чувствуя себя спокойнѣе, легъ спать.

Алберта не терзали подобныя мысли, однакожъ онъ съ великимъ огорченіемъ вспоминалъ, что долженъ будетъ сражаться въ племянниковъ своей благодѣтельницы. На завтрашній день поутру въ шесть часовъ старой офицеръ былъ уже у него; и оба они отправились на мѣсто сраженія не подалеку отъ деревни Примрозъ, куда вскорѣ послѣ нихъ прибыли Капитанъ Ватсонъ и Фридерикъ.

Вчера вечеромъ, сказалъ Алберту сей послѣдній, мы не условились объ оружіи, и для

того я взялъ съ собою мою шпагу и пару пистолетовъ. Выбирайте, сударь. — Я принесъ только шпагу свою, отъ вѣчалъ Албертъ, вынимая ее изъ подъ плаща; не имѣя пистолетовъ, я не почелъ за нужное покупать ихъ для сего только случая. Притомъ же я очень некусенъ стрѣлять изъ нихъ; и думаю партіа будетъ веровна, естли вы ихъ предпочтительно избере-
ше. “

Спокойный видъ Алберта и примѣчаніе, которое онъ здѣлалъ, разсердили Фридерика, и онъ настоялъ въ выборѣ пистолетовъ, такъ что Монгомери не могъ отказаться взять одинъ изъ нихъ. Раз-

ешольнѣе размѣрино. — и они стали по своимъ мѣстамъ: Фридерикъ, вида, что Албертъ не стрѣляетъ, закричалъ ему съ бѣшенствомъ, чтобъ онъ стрѣлялъ.

„Стрѣляйте вы прежде, сударь, сказалъ ему хладно-ровно Албертъ, я готовъ.“

Фридерикъ прицѣлясь въ брата Маріянны, чувствовалъ, что рука его дрожала; къ тому же сожалѣніе, что защищяетъ неправую сторону совершенно его разстроило; однакожь онъ выстрѣлилъ не дожидаясь своего соперника, и требовалъ потомъ, чтобъ и онъ стрѣлялъ. „Я очень зналъ, сказалъ Албертъ, что больше васъ имѣю привычки стрѣ-

лять. Напримѣръ, дерево, замною стоящее, гораздо шибѣ васъ; однакошъ я бьюсь объ закладъ, что не дамъ промаха.“ Съ этими словами онъ оборотился спиною къ Г-ну Сентъ-Остену, выстрѣлилъ въ дерево — и пуля пролетѣла на сивозъ.

Фридрихъ топнулъ ногою, и взбѣшенный презрительнымъ видомъ и хладнокровіемъ своего противника, закричалъ ему: „Заражайте снова и поступайте какъ честной человѣкъ: — Какъ честной человѣкъ, отвѣчалъ иронически Албертъ. — Этотъ шонъ не-свосенъ, вскричалъ Фридрихъ брося пистолетъ; обнажайте вашу шпагу и защищайтесь.“

Албертъ принужденъ былъ еще сражаться; но жадновро-вѣ его и шутъ давало ему преимущество надъ Фридерикомъ, который былъ въ испу-щеніи и очень не искусно от-ражалъ наносимые ему удары.

„Право“, говорилъ Албертъ при всякомъ ударѣ, отражен-номъ имъ съ удивительнымъ проворствомъ, право вы со-сѣмь не защищаешься . . . Вы теряетесь . . . Вотъ . . . Отъ меня зависѣло теперь васъ ранить . . . И еще! . . . Скоро я буду имѣть вашу шпагу.“

Въ самомъ дѣлѣ однимъ уда-ромъ онъ его обезоружилъ; и тогда перемиѣя тонъ, подалъ ему шпагу и дружески ска-залъ: „Мнѣ очень прискорбно,

что племянникъ Г жи Спан-
гопъ довелъ меня до такой
крайности. Слуга вашъ, го-
сударь мой!" И не ожидая оп-
вѣта, взявъ за руку стараго
офицера, служившаго ему сви-
дѣтелемъ, и съ нимъ удалил-
ся.

Г Л А В А ХХІІ.

*Монгомери терпѣливо выслу-
шиваетъ странныя себѣ на-
именованія.*

Албертъ и старой офицеръ
шли нѣсколько времени не го-
воря ни слова, но вдругъ сей
последній останавливается и

смотря пристально на Монгомери, говоритъ ему: „Какъ звали вашихъ родителей? Мнѣ кажется я это знаю, и поэтому совѣтую вамъ не лгать. — Не лгать! повторилъ Албертъ съ удивленіемъ и смотря на него съ жалостію въ тѣхъ мысляхъ, что онъ не много помѣшанъ. Не больны ли вы, сударь? . . . Но если вы любопытны знать имена моихъ родителей, то я скажу вамъ, что отца моего звали Албертомъ, а мать Маріанною. — Я зналъ это, зналъ. . . Чортъ меня возьми! Вы должны быть очень благодарны этому стакану пунша, который бросили вамъ въ ротъ. . . — Благодаренъ! . . . Вы шу-

шите, что ли? Я не понимаю, что это значитъ. — О! я это очень хорошо знаю и повторяю, что тебѣ не могло ничего щастливѣе случиться, какъ этотъ сшаванъ иуншу, выщившій тебѣ лицо. Напрасно ты морщишься, повѣса; что я говорю, то справедливо, и очень справедливо.“

Албертъ не сомнѣваясь больше, что шарикъ сей былъ помѣшанъ, отвѣчалъ ему съ яростію: — „Позвольте мнѣ поддержать васъ, сударь. Я боюсь, чтобъ это дѣло васъ не разстроило, и мнѣ очень прискорбно, что я невинною тому причиною. — Вотъ что называется безбожно лгать!.. Но ты уже доказалъ мнѣ,

что такого дерзкого мальчи-
 ва какъ ты и свѣтъ не про-
 изводилъ. Не довольствуясь
 тѣмъ, что изрядно проучилъ
 этого бѣднаго молодого чело-
 вѣка, ты смѣялся надъ нимъ
 все время, пока продолжался
 поединокъ; а теперь думаешь
 еще увѣрить меня, что я су-
 масшедшій! — Успокойтесь,
 сударь, и позвольте мнѣ про-
 водишь васъ до вашей квар-
 тиръ. — Я этого и хочу,
 и не только, чтобы ты шелъ
 ко мнѣ, но и вездѣ куда я
 пожелаю. Я не такъ скоро
 съ тобою разстанусь.“

Албертъ ничего не отпѣ-
 чалъ; онъ раскаявался, что со-
 гласился на предложеніе эта-
 го стараго лунатика, и вспо-

менная теперь странность впросов его, вчера, удивлялся, что тогда же не замѣтилъ, что бѣдный старичокъ не много рыхнулся.

„Ну чтожь, сударь, продолжалъ старикъ, ты ничего не говоришь... Не думаешь ли какънибудь уйти отъ меня?... Не не думай этого; чортъ меня возьми! в тебя проучу! и заставляю тебя бышь передо мною тише воды и ниже травы. — Меня проучить! повипорилъ Албертъ, съ гнѣвомъ. — Да, да, я тебя проучу... Кажется в довольно ясно изъясняюсь... Я и не такихъ хватовъ проучивалъ. — Здѣлайте одолженіе, сударь, пойдѣмъ поскорѣе, сва-

залъ ему Албертъ не желам раздражать его; мое присутствіе нужно въ конторѣ. — Чортъ возьми моею конторою! Я ни для кого на свѣтѣ не прибавлю шагу.“ — И старикъ еще тише сталъ итти.

Албертъ терялъ терпѣніе. Однакожъ сожалѣніе браало верхъ надъ гнѣвомъ его, и онъ рѣшился итти потихоньку возлѣ стараго офицера.

„Я предполагаю, что сестра твоя должна быть очень хорошая дѣвушка, коли за нее дерутся. Я возьму ее къ себѣ, дамъ ей состояніе, и увѣрею, что найду ее послушнѣе тебя.“

При сихъ словахъ Албертъ не могъ болѣе удерживаться.

Албертъ Ч. II. В а.

„Что это значитъ, сударь? Рѣчи ваши столько для меня обидны, что не могу больше приписывать ихъ сумашешствію . . . И если бы я не уважалъ вашихъ лѣтъ . . . — Ну, такъ чтожь бы ты здѣлалъ? Развѣ я не сказалъ тебѣ, что проучивалъ такихъ храбрцовъ какъ ты . . . Твоего отца напримѣръ. — Это гнусная ложь! вскричалъ въ бѣшенствѣ Албертъ, едва удерживаясь, чтобъ не броситься на старика. — Да, я повторяю, что побѣдилъ и обезоружилъ твоего отца; но не смотря на то, столько же дерзкой вавъ и сынъ его, онъ продолжалъ меня оскорблять, и чрезъ всѣ сколько дней послѣ этого . . .

Сестра моя Маріанна объ нимъ ушла. “

Монгомери отъ удивленія отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ, онъ пристально смотрѣлъ на стараго офицера и не могъ выговорить ни одного слова.

„Какъ! и ты молчишь? . . .
А что, не сказывалъ ли я тебѣ, что будешь предо мною тише воды и ниже травы? . .
Однакожъ я не имѣлъ намѣренія такъ скоро тебѣ открыться, но право потерялъ терпѣніе. — Когда я имѣю щаспіе видѣть господина Подковника Обрїена, брата почтенной матери моей, то мнѣ должно молчать. Незнаніе мое в его поступки служашъ

миѣ извиненіемъ , естли я
могъ сказаць что нибудь про-
шивное должному моему въ
нему почтенію. — Право я
не очень то знаю. Впрочемъ
скажи миѣ пожалуй , какъ съ
твоею гордостію могъ ты
унизиться до того , чѣмъ
служить у баніра. — Тутъ
нѣтъ ничего низкаго , любез-
ный дядюшка ; положеніе мое
требовало , чѣмъ я работалъ.
Я получаю порядочное жало-
ванье и съ удовольствіемъ ѣмъ
хлѣбъ , которей самъ выраба-
тываю. — Хлѣбъ , которей ты
вырабатываешь! . . . . — Пони-
маю; это маленькой для насъ
упрекъ . . . Но скоро ты бу-
дешь ѣсть хлѣбъ , котораго не
будешь вырабатывать , и за

это вамъ, сударь, не должно
будеть сердиться, или мы
увидимъ. Впрочемъ послѣ се-
годняшняго происшествія не
ничего не удивитъ . . . Кажется
я видѣлъ тебя во всей
твоей славѣ. . . На мѣстѣ эта-
го молодого человека я бы не
тѣмъ съ тобою раздѣлялся. —
Я думаю, что онъ употреб-
лялъ все свое искусство, ска-
залъ Албертъ улыбаясь. — И
я то же думаю; но надобно
однакомѣ признаться, что ты
мальчикъ рѣдкой дерзости.
Чтобы ты сказалъ человеку,
которой послѣ твоего на не-
го выстрѣла, оборотился бы
къ тебѣ спиною и выстрѣ-
дилъ въ дерево. — Мнѣ ка-
жется, ябъ долженъ за то его

поблагодарить. — Не думаю ;
 въ томужь урокъ фехтованья! . . . продолжалъ Полковникъ Обрѣенъ , подражая движеніямъ Албершта. Берегитесь , сударь . . . Вы совсѣмъ не защищаетесь . . . . Вотъ и еще . . . Я скоро буду имѣть вашу шпагу . . . Право нельзя быть болѣе дереву ; но , для усовершенствованія урока и чтобъ прохладить не много жаръ этаго молодого человѣка , надобно было здѣлать ему маленькое кровопусканіе . — Я лучше хотѣлъ оставить это дѣло его дѣкарю . — О ! онъ вѣрно не такъ искусно это здѣлаетъ какъ ты . Право , племянникъ , ты бы могъ скоро раздѣлываться съ своими про-

тнвянками. Отправка ихъ на шопъ свѣтъ не долго бы продолжалась. — Это достоинство ни мало меня не прельщаетъ. Я не желаю имѣть репутацію искуснаго рѣзника. — Рѣзника! — Да, сударь, рѣзника, гораздо ниже того, который ремесломъ своимъ объявляеъ убивать животныхъ. Еслилибъ я долженъ былъ выбирать, то вѣрно бы лучше согласился убить вола, чѣмъ человека. — Ну, я думаю ты такой же чудакъ, какъ и я. — Можетъ быть, сударь, это наследственное достоинство. — Да, также какъ и твоя дерзость, которая можетъ только сравниться съ дерзостію своего отца. —

Отецъ мой былъ наилучшій изъ людей, и никогда не выходилъ изъ границъ умбрённости, безъ важныхъ на то причинъ. — Ты лучше его былъ. — И однакожъ я ему долженъ всё, что знаю. Я не имѣлъ другаго учителя кромѣ его. — Но родителями твоими померли, продолжалъ полковникъ съ важнымъ видомъ: я бы желалъ... Да, лучше бы было, еслибы мы примирились прежде. — Ахъ! еслибы это было! — Но это вина твоего отца. За чѣмъ онъ не писалъ? За чѣмъ не старался оправдать своихъ поступковъ? — Поведеніе отца моего не имѣло нужды въ оправданіи; и мнѣ не прилич-

но слушать то, что можетъ оскорбить его память. — Ты, сударь, будешь слушать все, что мнѣ угодно. Хочешь ли быть моимъ наследникомъ? — Вашимъ наследникомъ!... Я объ этомъ и не думалъ. — Вѣрю; потому что еслибы ты о томъ подумалъ, то поступалъ бы какъ человекъ, желающій получить мое имѣніе. — Такъ я не знаю, какъ въ такомъ случаѣ поступать должно. — Я тебя научу, сударь, не надобно противорѣчить тому, что я говорю, и заслуживать мои милости поворвостію. — Если подлая покорность можетъ заслужить вашу благосклонность, то я никогда ее не заслужу.

Албертъ, Ч. II.

В

Кровь полковника Обрїена течетъ въ жилахъ моихъ : всякая низость для меня не возможна. — Оставайтесь хороши: въ свои лѣта я имѣю почти такой же характеръ.“

Албертъ поклонился — и молчалъ.

„Пожалуйста же безъ гримасовъ, и будь столько учтивъ, чтобы не сбавиться изъ подъ тишка. — Братъ матери моей всегда будетъ мною почитенъ, когда не удалится отъ должнаго уваженія къ моимъ родителямъ. И если я не хочу слушать ничего обиднаго изъ памяти, то это священный долгъ, котораго исполненіе не должно его прогнѣвать. — Вашъ покорный слу-

га, сударь, сказалъ полковникъ снявъ свою шляпу: я признаюсь, что батюшка вашъ былъ предоспойный человекъ, но слишкомъ гордъ. Правда онъ писалъ къ моему батюшкѣ, которой отослалъ письмо его не распечатавъ; но за чѣмъ же ему было не написать ко мнѣ? — Поступокъ этотъ былъ для него долгомъ въ разсужденіи вашего батюшки; а онъ могъ не почитать его шавовымъ въ разсужденіи васъ. Сверхъ того, шавъ какъ вы съ нимъ бились и имѣли преимущество, то вы бы должны были здѣлать первой шагъ въ примиренію.— Прекрасное преимущество! чортъ меня возьми! абы уже не былъ теперь

на свѣтъ, естелибѣ онѣ не сохранилъ тогда моей жизни. И чтожь? онѣ все таки не хотѣлъ отказываться отъ моей сестры. — Это было не возможно; взаимная ихъ любовь не прекратилась даже и съ шиямію ихъ. — Вотъ этимъ я доволенъ. Я бы хотѣлъ... Но эти желанія уже теперь лишнія. Ты вѣрно знаешь, что мать твоя писала ко мнѣ съ годъ тому назадъ. — Да, сударь, это было вскорѣ послѣ смерти батюшки. Вы ничего ей не отвѣчали. — Это не легко было сдѣлать. Письмо ея было послано въ Ирландію, а я былъ въ Индіи. Мнѣ послали его туда, но оно пришло чрезъ два мѣсяца послѣ

моего отъезда въ Европу. И такъ письмо въ другой разъ поѣхало въ Ирландію, и я получилъ его мѣсяць тому назадъ. Я тотъ же часъ поѣхалъ, сердечно желая примириться съ бѣдною моею сестрою, и только еще третій день какъ я въ Лондонѣ. — Третій день? — Да, я немедленно нимало пошелъ въ тотъ домъ, о которомъ назначено было въ письмѣ; но узналъ тамъ только, что сестра моя умерла, а племянникъ взятъ былъ подъ стражу. — Это правда; я былъ въ тюрьмѣ. — За что въ тюрьмѣ? на старой своей квартирѣ мнѣ никто не могъ сказать тому причины, и гдѣ ты находишься. — Я былъ въ

• Книгсбенчъ. — Да за что ты тамъ былъ, и какъ оттуда освободился. — Я былъ тамъ за долги, а освобожденіемъ обязанъ одной великодушной дамъ. — Гмъ! . . . И ты ошблагодарилъ за это великодушіе . . . прибавилъ Полковникъ съ насившкою. — Признательность моя никогда не можетъ быть соравнѣрна тому, чѣмъ я ей обязанъ. Она не только освободила меня изъ тюрмы, но доставила мнѣ мѣсто, которое теперь имѣю, и взяла подъ свое покровительство сестру мою Марїанну, которую принудила принять за цѣлой годъ жалованье для доставленія мнѣ свободы; и всѣ эти великодушныя поступки

зѣблала она еще не видавши
меня. — Вотъ удивительная
женщина! я бы поѣхалъ въ
Нышай, чтобъ поцѣловать но-
гу ея. Право, племянникъ, я
долженъ просить у ней изви-
женія. Я сперва принялъ бы-
ло ее за одну изъ тѣхъ со-
страдательныхъ дамъ, кото-
рыя любятъ одѣлывать моло-
дыхъ людей. — Милостивый
государь! сказалъ Альбертъ ва-
жно, мнѣ кажется я заслужилъ
лучшее о себѣ мнѣнїе. — Ну,
ты опять принимаешьъ за
свою важность. Берегись, это
противно какъ твоему долгу,
такъ и пользѣ твоей. — Я
ни мало не занимаюсь интере-
сомъ; но если дѣло идетъ о
долгѣ, то мнѣ кажется и вашъ

долгъ не есть обижать меня подобными подозрѣнїями. — Какъ, мой долгъ? Можно ли такъ дерзко обходиться съ дедею? Еслилибъ я былъ бѣдѣ Иова, ты бы и тогда не могъ оказывать мнѣ менѣе почтенїя. Развѣ ты не знаешь, что я тебѣ ни чѣмъ не обязанъ; а ты долженъ имѣть по мнѣ сыновнее почтенїе и привязанность? — Эти чувства я всегда вамъ буду являть, сказалъ Албертъ почтительно пожавъ руку полковника, которой не въ силахъ будучи болѣе сдерживать своей чувствительности, бросился въ нему на шею, и обливая его слезами, вскричалъ: „Да, я буду твоимъ ошцомъ;

и естли впередъ случится шебъ хотя малѣйшее огорченіе, то вѣрно Полковникъ Обрїенъ не имѣлъ возможности отъратить его.“

Совершенно довольные другъ другомъ, дядя и племянникъ вѣзли варету и отправились на квартиру Полковника. Албертъ хотѣлъ на минушю зайти въ свою контору и сказать, чтобъ его не ожидали; но дядя его разсердился, никакъ не хотѣлъ опустити, и принудилъ написать записку въ банкиру, уведомляя его, что щасливѣйшѣмъ случаемъ нашелъ ближайшаго своего родственника, съ которымъ долженъ былъ пребыть цѣлой день; и прося извинити

отсутствіе его для столь справедливой причины,

Г Л А В А XXIII.

Люди почти всегда судятъ о другихъ по себѣ.

Полковникъ и племянникъ его завтракали вмѣстѣ; и потомъ Г-нъ Обрїенъ согласился идти вмѣстѣ съ Албертомъ въ его банкиру.

Сей послѣдній, почитая и любя Алберта, принималъ живѣйшее участіе въ его благополучіи. „Я поворно васъ благодарю, государь мой, за это мальчика, сказалъ полков-

никъ. — Я очень буду сожалѣть о немъ; Г-нъ Монгомери достоинъ вашихъ милостей. — Пожалуйте ко мнѣ обѣдать: я расважу вамъ нашу встрѣчу — она очень забавна. — Щепы мои готовы, сударь, сказалъ Албертъ банкиру; вы можете принять ихъ, если вамъ угодно. --- Пожалуйста оставимъ щепы до другаго времени, вскричалъ Полковникъ. Племянникъ! ты надобенъ мнѣ на цѣлой день, Господинъ банкиръ будетъ обѣдать съ нами, а обѣдѣлажь вы послѣ поговорите. Этотъ день есть день радости, самой щастливой день жизни моей. “

Банкиръ принялъ приглаше-

нїе съ удовольствїемъ, и Полковникъ съ племянникомъ своимъ удалился.

Онъ опять началъ разпрашивать Алберта о его родителяхъ и сестрѣ; и съ удовольствїемъ слушалъ маарѣшїя подробности, которыя онъ ему о нихъ рассказывалъ.

Еще одно хочу я знать, сказалъ потомъ Полковникъ. Сего дня поутру ты не прямо отвѣчалъ на мой вопросъ. Какіе были твои долги? — Если вы вспомните тогдашнее наше положенїе, то они не должны васъ удивлять. — Очень хорошо, однакожъ какой былъ вѣнотъ долгу? — Какой? . . .“ Албертъ колебался, не хоща огорчить дядю

своего связавъ ему, что тѣло сестры его было остановлено. Это былъ за наемъ дома? — Не вѣрю. Мнѣ сказали, что ты былъ взятъ подъ стражу въ самой день смерти мапери твоей; что полицейской чиновникъ очень долго съ тобою говорилъ, и что ты пошелъ въ тюрьму на другой день похоронъ; ну же, Албертъ, признайся, что это за долгъ былъ? Это не могло быть за наемъ дома потому, что ты не долженъ былъ отвѣтствовать за своихъ родителей, и въ томужь ты уаврялъ меня, что они ничего должны не были. “

Алберту очень было досадно, что дядя его шавъ допра-

шиваль, и онъ молчалъ.

„Ну чтожь! продолжалъ полковникъ, это было вѣрно какое нибудь особое дѣло, маленькой должель, давковыя молодые люди иногда дѣлають, и которой ты бы радъ былъ предать забвенію. Не такъ ли? — Въ самомъ дѣлѣ я бы хотѣлъ, чтобъ о немъ не было никогда упоминаемо: воспоминаніе о томъ для меня прискорбно, и васъ вѣрно огорчить, а потому прошу васъ больше о томъ меня не спрашивать. — Оставь же важный твой видъ, и перестанемъ говорить о томъ. Всякой имѣетъ свои слабости, и я не ожидалъ найти тебя совершеннымъ. -- О! я очень ошъ погрѣ

далека, сказалъ Албертъ, радуясь, что дядя его не проникъ истинны. — Ты похожа немного на всѣхъ молодыхъ людей съ этой стороны. Но въ чемъ я точно увѣренъ; такъ это въ томъ, что ты не труси. Время исправитъ тебя въ другомъ. — Надѣюсь, отвѣчалъ Албертъ, едва удерживаясь отъ смѣха. — Берегись однакожь. Я совѣтую тебѣ полюбить хорошенькую дѣвушку и жениться на ней. Не безповойся объ имѣннн, у меня довольно его для насъ обоихъ. — Женитьба вещь очень важная, и стоить того, чтобъ объ ней подумать. Я хочу имѣть время задѣлать свой выборъ. — Это пустя-

ви! выбери или положишься на случай, это всё равно. Желудьба естъ лотерея: одинъ билетъ выиграешь, а тысяча проиграешь. За тѣмъ то я и остался холостымъ. — Это можетъ случиться и со мною. — Нѣтъ, нѣтъ, сударь. Я хочу имѣть себѣ наследника и чрезъ тебя. “

Полковникъ желая чрезмѣрно видѣть Маріанну, условился съ своимъ племянникомъ дней чрезъ пять ѣхать къ госпожѣ Стангопъ; а между тѣмъ запретилъ ему уведомлять сестру свою о случившемся. „Можетъ быть, говорилъ онъ, а я и ее увижу во всей славу. “

Албертъ съ своей стороны упросилъ его не говорить ничего о поединкѣ его съ Фридрихомъ. Сперва Полковникъ и слышать о томъ не хотѣлъ; однакомъ племянникъ его настоялъ, и онъ наконецъ хотя противъ воли своей, далъ ему слово бытъ секретнымъ.

ГЛАВА XXIV.

Стыдъ, ошибка, обманутое ожиданіе.

Албертъ оставилъ Сентъ-Остена на мѣстѣ сраженія пристыженнаго и въ бѣшенствѣ. Съ своей стороны Бер-
 Албертъ Ч. II. Г 2.

персѣ ожидалъ его съ нетерпѣнїемъ, которов легче вообразить, чѣмъ описать, сердечно желая ему успѣха, потому что побѣда его служила ему отмщенїемъ и что онъ столько любилъ его, сколько могъ. Наконецъ онъ возвратился въ ужасномъ безпорядкѣ, бѣшенствѣ и отчаянїи.

„Бернерсѣ, вскричалъ Фридрихъ мрачнымъ) голосомъ, бросаюсь на софу, я обезчещенъ. . . . Я чувствую, что я негодяй: ни дружба твоя, ни твои софизмы не увѣрятъ меня въ противномъ. Я всю жизнь мою не забуду ужаснаго сего утра.“

Воображая себѣ, что Фридрихъ былъ побѣдитель, и

приписывая замѣшательство его натуральному ужасу, произведенному первымъ убійствомъ, хотя оно было и справедливо, Бернерсъ старался только его успокоить.

„Ты слабъ какъ женщина, говорилъ онъ ему, человекъ родится на то, чтобъ умереть: въ постели ли своей, или на полѣ сраженія, отъ лихорадки, или отъ пули, сего дня или чрезъ двадцать лѣтъ это съ нимъ случится: не все ли равно? Ты навазаль дерзкого, и я жалю только, что не я это сдѣлалъ. „Ахъ! когдабъ я никогда не мѣшался въ это постыдное дѣло, сваялъ съ жаромъ Фридерикъ! — Я съ удовольствіемъ бы взялъ

его на себя. Ты бы увидѣлъ, умѣю ли я поступать какъ должно честному человѣку. — Честный человѣкъ! . . . . Это Монгомери, а я поступалъ какъ дурной швальникъ. — Я очень радъ, что ты его хвалишь, сказалъ Бернерсъ съ насмѣшкою. Если ты опасно его ранилъ, то спасайся; въ противномъ же случаѣ мы можемъ остаться спокойны. — Онъ раненъ! . . . . Великій Боже. . . .“

Бернерсъ не зная еще подробностей этого происшествія, лишился уже надежды, которою прежде себя льстилъ; и не смѣя больше распространять своего друга о томъ, что казалося его огорчало и

приводило въ стыдъ, онъ въ молчаніи ожидалъ обясненія; что Фридерикъ наконецъ и вдѣлалъ въ великому изумленію Бернерса, которой тщетно старался его утѣшить.

Фридерикъ объявилъ ему, что непременно хочетъ провести въкоторое время у своей матери въ деревнѣ. Бернерсъ не старался его отягощать отъ того; но холоднось, съ накою госпожа Сентъ-Остенъ приняла его послѣдній разъ, послужила ему предлогомъ остаться въ Лондонѣ.

Когда Сентъ-Остенъ открылъ свое бюро, чѣмъ въ пивать въ своей матери, и уведомить ее о своемъ намѣреніи, то письма, которыя онъ

было приготовилъ, въ господѣ Стангопѣ и Марїаннѣ, поразили его взоры. „Ахъ! вскричалъ онъ удара себя кулакомъ въ лобъ, естълибъ эти письма должно было отправить, я бы не былъ тогда обремененъ стыдомъ и раскаяніемъ!“

Г о с п о ж а Сенивъ-Остенъ тотчасъ отвѣчала ему, что расположена была выехать завтра, и просила его быть готовымъ въ тому времени. Она ничего не упоминала о Бернерсѣ въ своей запискѣ, и очень была рада, что онъ съ ними не ѣхалъ. Но Гертруда съ горестію удалялась отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оставался ея герой; однакожъ въ день отъѣзда ихъ погода была без-

подобная, и не смотря на ее горесть, чистой деревенской воздух доставилъ ей въ объѣду прекрасной аппетита; и ввечеру легши спать съ большою усталостію, она всю ночь наслаждалась совершеннымъ покоемъ и прелестными сновидѣніа украшали сонъ ея,

Г Л А В А XXV.

Удовольствіе. Удивленіе. Любопытство.

Въ одинъ день рано поутру Полковникъ и племянникъ его прибыли въ деревню въ господъ Станговъ. Маріанна съ

дочерью приходскаго священника пошла прогуливаться, а госпожа Стангопъ въ кабинетъ своемъ писала. Прежде чѣмъ войти, Монгомери сказалъ своему дядѣ: „Танъ какъ вы не знакомы съ здѣшнюю хозяйкою, то позвольте мнѣ представить васъ ей подъ настоящимъ вашимъ именемъ. Намъ не пристойно будетъ ее обманывать.“

Г. Обрѣенъ подумалъ немного, и потомъ отвѣчалъ: „Если она одна, то мы можемъ сказать ей правду, и попросить ея пособія обмануть Марїанну.“

Человѣкъ, которой ходилъ доложить объ нихъ, возвратился и просилъ ихъ пожало-

вать къ господѣ его въ кабинетъ.

„Господинъ Монгомери, сказала она увидя Алберта, мнѣ очень пріятно васъ видѣть. Надѣюсь, что никакое непріятное происшествіе . . . .“ Она остановилась въ видимомъ безпокойствѣ и колеблемая страхомъ, не было ли какой нибудь ссоры у него съ Фридрихомъ. Албертъ поспѣшилъ успокоить ее.

„Это посѣщеніе, котораго вы не ожидали, сударыня, сказалъ онъ ей, есть послѣдствіе самаго щасливаго для меня происшествія. Позвольте представить вамъ Полковника Обріена, единственнаго брата моей матери, съ которымъ я

Албертъ Ч. II. Д

только дней восемь знакомъ. — Поздравляю васъ отъ всего сердца моего, отвѣчала Г-жа Стангопъ. Такой человѣкъ какъ вы, долженъ быть славою фамиліи, въ которой принадлежитъ. — Вы его портите, сударыня, мальчикъ этотъ и такъ уже довольно гордъ. Однакожъ хотя онъ и имѣетъ свои недостатки, но покрайней мѣрѣ умѣетъ быть благодарнымъ. Онъ съ такимъ жаромъ описалъ мнѣ благородные и великодушные ваши прошивъ него поступки, что заставилъ меня раздѣлять его въ вамъ чувствованія; и я не имѣлъ покою, пока не прѣхалъ лично принести вамъ мою благодарность. — Естьли что

изъ насъ заслуживаетъ признательность, то это одна сестра его. И это не стоить того, чтобъ имъ заниматься.—
 Благородная женщина! рѣдная душа! вскричалъ Полковникъ въ восторгѣ. Ахъ! сударыня, еслилибъ вы согласились на мое желаніе, то удовольствіе мое было бы совершенно. —
 Извѣстишь, сударь. — Мнѣ очень хочется видѣть Маріанну, не будучи ей извѣстенъ. Я случайно встрѣтился съ братомъ ея, котораго совсѣмъ не считалъ моимъ племянникомъ. Здѣлайте милость, сударыня, доставьте мнѣ также случай видѣть ее въ натуральномъ ея видѣ, какъ я его видѣлъ. Еслили она будетъ

знать, что я ее дядя, то употребитъ свои старанія мнѣ понравиться, и я можетъ быть чрезъ цѣлой мѣсяцъ, не узнаю, чего она точно стоитъ.“

Это странное намѣреніе застало господу Стангопъ разсмѣяться.

„А вы что думаете объ этомъ обманѣ? спросила она у Алберта. — Я на то согласенъ, сударыня, естли только вы не будете противнаго мнѣнія. Естли дядюшкѣ угодно видѣть Маріянну нечаянно, какъ онъ и меня видѣлъ, то сколько это ни невыгодно, я не долженъ тому противиться. — А какая отъ того невыгода для тебя произошла, господинъ свромниль?

сказалъ Полковникъ. Ахъ, сударыня, я бы охотно далъ двадцать гиней, чтобъ мнѣ можно было рассказать вамъ исторію. . . .

Албертъ спрaшaсь нескромности своего дяди, дернулъ его тихонько за платье, отъ чего Полковникъ и остановился среди своей рѣчи.

„Какую исторію, господинъ Полковникъ? спросила госпожа Стангопъ. — О! ничего, сударыня, ничего. Я встрѣтился съ нимъ въ кофейномъ домѣ. . . . И съ нимъ случилось такъ столь смѣшное происшествіе, что я не могу о томъ вспомнить безъ смѣха. Теперь же мы живемъ вмѣстѣ и больше не разстанемся.“

Госпожа Шангопъ не стала больше его спрашивать. Удовольствіе Полковника, и краска, покрывшая лице племянника его, удостовѣрили ее, что судьба представила ихъ одинъ другому въ выгодномъ для Алберта обстоятельстве. А молчаніе о томъ Алберта, она приписывала извѣстной ей скромности его.

Такъ и бысть, Г. Полковникъ, продолжала госпожа Шангопъ, пусть будетъ по вашему. Берегитесь только, чтобъ племянница ваша не испортила' вашихъ плановъ.“

Въ эту минуту она увидѣла ее, гуляющую съ своею подругою въ саду.

„Вотъ Маріанна, сказала

она. Я много наслышалась о симпатіи, о внушеніяхъ природы: посмотримы, подѣйствуемъ ли она теперь. Которая изъ нихъ ваша племянница? "

Полковникъ посмотрѣлъ, и потчасъ вопричалъ: „Я бьюсь обѣ закладъ о тысячѣ гиней, что это та, которая выше; у ней точно такаяжъ походка, такой же станъ, какъ у покойной сестры моей. — Вы отгадали, сударь. Но еще одно слово, пека она не вошла. Какъ васъ ей назвать? — Постойте: она не знаетъ, что братъ ея оставилъ своего банкира, я назовусь имъ. — Очень хорошо. Молчишежъ — она идетъ.“

Маріяна вошла въ комнату. Нечальный прѣздъ брата ея

столько ее обрадовалъ, что она тотчасъ побѣжала къ нему съ отверстыми объятіями, и обнимая его съ живѣйшею нѣжностію, вскричала въ себя отъ восхищенія: Ахъ! Албертъ! милой брашецъ! какое нечаянное для меня счастье!

Оборотась потомъ она увидѣла Полковника и покраснѣла. „Извините меня, сударыня, сказала она Г-жѣ Шпангопъ. Я не примѣшила, что у васъ гости есть и удивленіе мое здѣлало меня неучпивою.“ — Ты не имѣешь нужды въ извиненіи, моя милая. Я представляю тебѣ друга твоего брата, у котораго онъ теперь живетъ.“

Маріянна, не сомнѣваясь, чтобъ это не былъ банкиръ, съ пріятностію ему поклонилась; но Подковникъ взялъ ее за руку, и съ нѣжностію поцѣловалъ въ щоку, говоря: „Ты очень любезная дѣвушка, но не забывай учтивости, и всегда обнимай старыхъ людей прежде молодыхъ.“

Маріянна взглянула на него съ удивленіемъ, и видя, что Г-жа Стангопъ и Албертъ едва могли удержаться отъ смѣха, не знала, что подумать.

„Прелестное твореніе! продолжалъ Подковникъ, и по чести я не удивляюсь больше, что...“ (Албертъ дернулъ его за платье, чтобъ онъ

опомнился и не сказалъ чего нибудь лишняго). „Занимайся на лучше самъ собою, сударивъ; развѣ ты считаешь меня дуракомъ? . . . . Право, стань безподобной . . . . А волосы! . . . . А эта бѣлизна! эти глаза! . . . . Это фамильные глаза.“ — Вы это находишь? сказала Г-жа Стангопъ, которая по сему замѣчанію думала, что онъ не хотѣлъ больше продолжать шутокъ. „Да, да, отвѣчалъ онъ замѣтивъ свою ошибку, у нее такіежѣ глаза, какъ и у ея брата.“

Госпожа Стангопъ разсѣялась.

„Я думалъ, что у меня глаза черные, сказалъ Албертъ. — Какая до этого нужда госпо-

днѣ насильшннѣ? Черные или голубые, глаза все глаза. — О! обѣщаннѣ я согласенѣ. — Не смотрите на него, продолжалъ онѣ обращаясь къ Маріяннѣ. Сядьте возлѣ меня, моя милая. Вы похожи на своего брата, только въ тысячу разѣ лучше его. “

Удивленная и смущенная Маріянна не знала, что дѣлать; она попеременно смотрѣла съ изумленіемъ на Алберта и на Полковника; и взорами просила Г-жу Стангопъ объяснить ей все, что она видѣла.

„Милая моя, сказала ей Г-жа Стангопъ, не огорчайтесь шутками друга моего, или лучше сказать, друга господи-

на Монгомери. Я уверена, что вы будете обходиться съ нимъ гораздо ласковѣе, когда узнаете, что онъ прѣѣхалъ сюда, чтобы здѣлать удовольствіе, вашему братцу.

— „Нѣтъ, сударыня, право нѣтъ. Я прѣѣхалъ для собственнаго своего удовольствія. Конечно я надѣялся найти здѣсь пригоженькую дѣвушку; но никакъ не думалъ видѣть такое прелестное дитя какъ вы, моя милая.“

Говоря это Полковникъ пристально смотрѣлъ на Мэрианну, смѣялся; потомъ вдругъ задумывался, былъ очень пропущенъ, вставалъ, опять садился, и повторялъ свои восклицанія и похвалы съ шажимъ

жаромъ, что приводилъ ее въ совершенное заиѣшательство.

По прозѣбѣ Г жи Стантонъ она играла на фортепіанѣ и пѣла; и восхищеніе опытъ заставило Полковника забыться.

„Божественное твореніе! вскричалъ онъ; она можетъ изъбрать себѣ мужемъ кого захочетъ. Я дамъ ей на свадьбу десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.“

При сихъ словахъ Маріянна подумала о немъ тоже, что и братъ ея, и воображая, что онъ помѣшался въ умѣ, посмотрѣла на него съ такимъ видомъ сожалѣнія, что тѣмъ привела его въ себя и напомнила ему новую его неосторожность.

„Эшо значить, моя милая, продолжалъ онъ, чтобъ исправить свою ошибку, что вы достойны имѣть десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, придаваго. Я увѣренъ, что вы не надѣетесь того, однакомъ эшо дѣло не невозможное. — Марїанна почитаетъ это совсѣмъ невозможнымъ, сказалъ Албертъ. — А почему вы знаете, сударь, что она думаетъ? зачѣмъ мѣшаете вы ей самой говорить? — Такая надежда, сказала Марїанна, съ милою скромностію, столь же далека отъ моихъ мыслей, какъ и желаній. Пока я буду подъ покровительствомъ госпожи Стангопъ, мнѣ нѣчего больше желать. — Госпожа Стангопъ

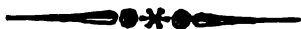

ангелъ, вы прелестная двѣица, а я старой колдунѣ, которой вамъ предскажутъ, что вы будете щасливы, моя милая, и въ томъ не сомнѣвайтесь. — Я и теперь, сударь, щаслива, ошвѣчаю Маріянна, и нувъ признательной взоръ на гос-пожу Стангопъ.

Пошли за столъ, и разгово-рѣ обратился на другіе пред-меты. Полковникъ и Албертъ восхищались красотами овура-носпей жилища Г. жи Стан-гопъ, что и подадо ей олучай сязать Алберту, что естли онъ спободенъ, то она про-ситъ его сбѣздить послѣ обѣ-да въ Блавудъ (сосѣднюю де-ревню) и посмотришь тамъ домъ и принадлежності его,

которой она хотѣла завтра
вупить.

„Съ охотою, сударыня, от-
вѣчалъ Албертъ; и обратясь
къ Полковнику продолжалъ:
Не угодно ли и вамъ, сударь,
прѣздить съ мною? — Нѣтъ,
сударь, не угодно, я останусь
здѣсь съ дамами.“

ГЛАВА XXVI.

*Чрезмѣрное удивленіе. Удовле-
творенное любопытство.*

Вставши изъ за стола Ал-
бертъ готовился ѣхать, пред-
ставя однакожъ господамъ Стан-
гопу, что онъ имѣлъ мало

свѣденій вразсужденіи имѣ-
ній, и не можешь хорошо о
нихъ судить.

„Я знаю, сказала она ему,
что домъ этотъ въ наилуч-
шемъ состояніи. Мнѣ онъ не-
нуженъ, равно какъ и принад-
лежности его; но хозяинъ дол-
женъ непременно продать его,
чтобъ заплатить долги свои,
и онъ такъ просилъ меня ку-
пить его, что я не могла ему
въ помѣ отказать. — А что
стоитъ это имѣніе? спросилъ
Полловникъ. — Не болѣе 6,000
фунтовъ стерлинговъ.—Чортъ
возьми! я его куплю; разу-
мѣется, естли вамъ его не-
надобно, сударыня. Мы бу-
демъ сѣбди; и я надѣюсь, что
вы будете довольно свисходи-
Алберто Ч. II. Е 2.

шельны, чтобъ принимать иногда посѣщенія старика, который очень вамъ преданъ. — Я желаю, чтобъ это имѣніе вамъ понравилось; а мнѣ оно вовсе не нужно; и я покупала его только по усиленной просьбѣ несчастныхъ продавцовъ. Я увѣрена, что они и вами равно будутъ довольны; и такъ ничто вамъ не мѣшаетъ сѣздить туда съ господиномъ Монгомери. — Я чуждакъ, но всегда стараюсь такъ поступать, чтобъ бѣдный никогда не имѣлъ причины посылать меня къ чорту. Одновозжъ вы позволите мнѣ сегодня васъ не оставлять; пусть Албертъ самъ осмотритъ домъ и его обружности, и естѣм

они ему угодны, то я и доволенъ . . . То есть, продолжалъ онъ, замѣтивъ, что Марїянна съ удивленїемъ на него взглянула, — елики они ему угодны, то я и самъ еще съѣзжу туда завтра или послѣ завтра.

Когда Албертъ уѣхалъ съ управителемъ госпожи Стангопъ; то она видѣла, что Марїянна была въ величайшемъ замѣшательствѣ, хотѣла, чтобъ Полковникъ пересталъ свриваться; но онъ былъ занятъ совсемъ другимъ. Заключение Алберта въ тюрьму, было для него загадкою, которую ему очень хотѣлось узнать. “ Видно тутъ есть какая нибудь шайна, думалъ

онъ , которую отъ меня хотѣтъ сиречь ; и вѣрно какая нибудь интрига , отвращеніе его въ женитьбѣ по доказываеми. Можеть быть онъ влюбился въ какую нибудь дѣвчонку , которая требовала больше чѣмъ у него было. Повѣса задолжалъ и потому его посадили въ тюрьму. “ Совершенно занятъ будучи сими размышленіями , но не зная какъ о томъ развѣдать , онъ нѣсколько минутъ наблюдалъ молчаніе ; и потомъ обратясь въ господъ Стангопъ началъ говорить : „Сударыня , Албертъ былъ въ Кингс-бенчъ прежде чѣмъ вы съ нимъ познакомились ? — Такъ , сударь. — Онъ обязанъ намъ своею свободою —

и этого благодаренія никогда не забудетъ. — Я уже сказала вамъ, сударь, что онъ мнѣ ничѣмъ не обязанъ. Его освободила изъ тюрьмы сестра его.“

Маріанна хотѣла было говорить; но Г-жа Стангопъ задала ей знакъ, чшобъ она молчала.

— „Я не любопытенъ, не знаю человека благороднѣе Алберта, и благословляю ту минуту, когда его нашелъ. Послѣ смерти моей онъ получитъ все мое имѣніе.“

При сихъ словахъ нѣкоторое движеніе Маріанны напомнило ему, что онъ опять проговорился.

„Я понимаю, что не забуду его въ моей духовной, когда

онъ будетъ того достоинъ. Но я желала бы знать причину заключенія его въ Кингс-џенъ. Мнѣ кажется вы можете мнѣ это объяснить, Марїанна . . . . извините . . . . Миссъ Монгомери? Скажите мнѣ, что вы объ этомъ знаете. — Возможно ли, чтобъ вы этого не знали? сказала Г-жа Стангопъ. — Нѣтъ, сударыня, онъ не хотѣлъ ничего сказать мнѣ. Когда я стала приставать къ нему съ моими о томъ вопросами, то онъ вдѣлался такъ печаленъ, что я не имѣла духу больше его спрашивать. Онъ сказалъ мнѣ только, что это признаніе огорчитъ меня . . . . Еспльи это какая-нибудь юношеская

шалость, то я по себѣ знаю, что нельзя иногда и не подуматься, и легко забываю то, что надобно позабыть. “

Госпожа Шангопъ, одобряя скромность Алберта, не хотѣла однакожъ, чтобъ она подала поводъ въ несправедливый на щетъ его подозрѣніемъ. „Милая моя, сказала она Маріяннѣ, я наложу на васъ тяжостную обязанность; но кажется другъ брата вашего имѣетъ ложныя понятія о его заключеніи въ Кингсбенчъ; и я думаю лучше открытъ ему всю истинну. — Но если братецъ этого не хочетъ? сказала Маріянна. — Развѣ вы не видите, что излишняя скромность его пода-

отъ поводъ лучшему его другу имѣть о немъ дурное мнѣніе. “

§ Это разсужденіе рѣшило Маріанну, и вотъ что она рассказала:

„Мапушка моя скончалась: я ущопала въ слезахъ, лобызая охладѣвшія ея руки; Албертъ споль же отчаянный какъ и я, спарался однакожъ влущить мнѣ нѣсколько швердости. Вдругъ четыре человека съ отврашительными лицами входятъ въ комнату, и одинъ изъ нихъ подходе къ шѣлу мапушки, говоритъ, что останавливаетъ его за шридцать гиней, которыми она осталась должна за квартиру. Албертъ въ бѣшенствѣ от-

шадкиваетъ его и влается ,
 что повергнетъ мерзвымъ
 пераго , вито осмѣлился ко-
 снуться матушки. Судите
 о моемъ ужасѣ ; а всричала,
 схватила братца въ мои обѣ-
 ятїя и держала его изо всѣхъ
 силъ, чтобъ онъ не могъ выр-
 ваться; чѣмъ думаю и отпра-
 тила большїя несчастїя.

„Однакомъ эти люди , ото-
 шедъ изъ дверей, продолжали
 кричать , что сопротивленїе
 бесполезно и что они испол-
 няютъ свой долгъ. — Чего вы
 хотите ? спросилъ тогда Ал-
 бертъ. Я не могу вѣрить ,
 чтобъ законы предписывали
 вамъ такой поступокъ. Они
 могутъ только дѣйствовать
 на живыхъ, а не на умершихъ. —

Милостивый государь, отвѣчалъ полицейской, я вижу, что вы Шотландецъ, и даже не одного съ нами исповѣданія, а шанже и не однихъ законовъ; но у насъ мертвый равно какъ и живой долженъ платить свои долги. — Однакожь, вѣрно можно какъ нибудь сойтись съ заимодавцемъ. Но пока останется капля крови въ жилахъ моихъ, я не позволю оскорбить праха матери моей. Я готовъ взять на себя долги, и заплатить проценты, пока буду въ состоянїи возвратить капиталъ “

„Э то другое дѣло; и мы поступаемъ честно съ людьми великодушными. Вотъ вы разбили носъ этому бѣдлаву,

дайте ему на вино, и онъ забудетъ о томъ. — Очень охотно, съ тѣмъ только, чтобы вы отсюда вышли, сказала я давъ ему подливки, такъ чтобы Албертъ того не видалъ. “

„Тогда положивъ въ карманъ деньги, онъ обратился къ своимъ товарищамъ и сказалъ имъ: эти господа не знаютъ порядка дѣлъ. Сойдите въ нязъ, а я имъ это расшолкую. “

Они повиновались; а Албертъ повторилъ ему, что беретъ долгъ на себя. “

„Теперь, сударь, мы остались одни, сказалъ полицейской, и я скажу вамъ: что благородной и честной видъ вашъ меня тронулъ. Вамъ

есть самое простое средство
выпутаться из этих хлопот.
“

„Пожалуйста извяснитесь
скорѣе, вскричалъ брашецъ съ
нетерпѣніемъ, “

„Ну, какая бѣда въ томъ,
что возьмутъ тѣло матушки
вашей? Злимодавецъ ничего
отъ того не получитъ, кро-
мѣ мертваго тѣла, отъ кото-
раго самъ же радъ будетъ
скорѣе избавиться. “

„Этотъ грубой совѣтъ при-
велъ меня въ негодованіе, а
Албертъ вѣрно приѣмилъ бы
этотъ совѣтъ, естлибъ я
не удержала его. “

„Не сердитесь, сударь, про-
должалъ выпотъ челоуѣкъ, и
забудьте, что я вамъ сказалъ.

Если вы отбываете за долги, то заимодавецъ на это согласенъ. Напишите вашу росписку и потомъ отправьтесь въ тюрьму. “

„Хорошо; только съ условіемъ, что я останусь свободенъ пока погребутъ мать мою, а сестру пристрою въ мѣсту, чтобъ я могъ быть совершенно на щетъ ее вдовоенъ.

„Но за эти условія надо заплатить. Можете ли вы? “

„Мы его удовлетворили; и такимъ-то образомъ Албертъ пожертвовалъ своею свободою, чтобъ отдать послѣдній долгъ матери. — Благородная душа! рѣдкой молодой человѣкъ! а встарой погодѣ! . . . Я смѣлъ

Албертъ Ч. II: Ж 2:

подозрѣвать его . . . . Теперь ужъ я не удивляюсь его молчанію . . . Онъ не хотѣлъ огорчить меня . . . А мнѣбъ должно повѣситься. Но продолжайте, любезная моя, сказала Полковникъ, обращаясь къ Маріинѣ, которая была внѣ себя отъ удивленія, мнѣ жаль, что я прервала вашу рѣчь. — Окончише, моя милая, это горестное повѣствованіе, прибавила Гжа Спангопъ, вы будете за это довольно награждены. Я предсказываю вамъ близкое щастіе. — Боже мой! что это значитъ? Все, что я вижу, удивляетъ меня и приводитъ въ замѣшательство. Я поспѣшу окончить мое повѣствованіе. Полицейской служитель,

явивъ записку моего брата, ушелъ, оставя одного изъ своихъ людей присматривать за братомъ. На другой день послѣ погребенія матушки, я опредѣлилась къ Мистрисъ Мозели; и хотя эпа добрая женщина утверждала, что работа моя довольно ей платила за содержаніе мое, но я увѣрена была въ противномъ; и мнѣ очень было прискорбно быть ей въ тягость иѣмъ болѣе, что она сама не была богата. Въ это время Г-жа Сентъ - Остенъ прѣхавъ за покупками въ лавку Мистрисъ-Мозели поручила ей найти для нее горнишную. На завтрашній день пошла я предложить ей мои услуги, но не

понравилась ей — мнѣ предназначено было большее счастье. Госпожа Стангопъ была тогда съ своею сестрою. Великодушное ея сердце впустило ей намбреніе исторгнуть несчастную изъ отчаяннаго положенія; она сама прѣѣхала за мною, взяла къ себѣ, доставила мнѣ средства освободить изъ тюрьмы брата моего и пріобрѣла тѣмъ право на вѣчную обоимъ насъ признательность. — Да наградитъ ее Богъ! вскричалъ Полковникъ съ восторгомъ. Бѣдное дитя! принуждена искать себѣ мѣста горничной!.. Но мы увидимъ эту добрую Мозели; мы возьмемъ ее къ себѣ; и хотя бы у меня была одна только гиней, я бы и шу

раздѣлялъ съ нею! — Милостивый государь! сказала удивленная и не меньше его тронутая Маріянна, съ сего утра разумъ мой теряется въ Лабиринтъ сомнѣній и предположеній. Примѣтное удовольствіе госпожи Стангопъ, предсказаніе ея, что я скоро буду щастлива, необычайная радость Алберта, ваше обхожденіе съ нимъ и со мною — все предвѣщаетъ мнѣ какое то неомыслимое промзшествіе. Доброжелательство ваше въ намъ не таково, какое можешь имѣть новой другъ; это участіе, эта привязанность... — Нѣжнѣйшаго ошда, вскричалъ Полковникъ зааключивъ ее въ свои объащія; да, я буду тво-

имъ отцемъ. Забудь жесто-
ваго Обрїена, своего дядю,
забудь, что я былъ безчеловѣ-
ченъ въ твоимъ родителямъ,
и что я долженъ былъ первой
спараться о примиренїи съ
ними, потому что они были
вещными. “

Марїанна была столь про-
вута, что не въ силахъ была
отвѣчать, но бросилась въ
ногамъ своего дяди. Наклонясь
на племянницу свою, доброй
старикъ громко рыдалъ — и
госпожа Стангоу, свидѣтель-
ница этой трогательной сце-
ны, проливая слезы радости.

„О, нѣжная мать моя! вскри-
чала наконецъ Марїанна, сколь
часта бы ты была, видя
дѣшей своихъ въ объятїяхъ

ихъ дяди! — Бѣдная сестра моя говорила ми вамъ иногда обо мнѣ, сказавъ Полковникъ поднявъ свою племянницу и посадивъ ее возлѣ себя. — И очень часто; она за удовольствіе себѣ поставляла рассказывать вамъ о щастливомъ времени вашего дѣтства, и всегда повторяла: я никогда не могла думать, чтобъ Обрѣенъ когда нибудь пересталъ любить меня! — Она всегда была мнѣ любезна, но пролившая гордость моя, которая могла только равняться съ гордостью вашего отца, причиною всѣмъ несчастіямъ. Одна строчка отъ нее заставила бы меня лепѣть въ ея объятія. — И бабушка отъ васъ того же

только ошведаль. — Мнѣ очень удивительно, сказала госпожа Стангопъ, что столько любя одинъ другаго вы не могли примириться. “

„Я уже сказалъ вамъ, сударыня, что проклятая фамильная гордость всему виною. Сиръ-Жемсъ Монгомери, старшій братъ поручика, началъ ссору, сказавъ, что братъ его можетъ найти себѣ лучшую партію. Въ слѣдствіе сего сестра моя получила приказаніе не имѣть съ нимъ больше никакого сношенія. Приказаніе это было совершенно бесполезно: они продолжали переписываться; и вездѣ, куда сестра моя выѣзжала, была она увѣрена найти Монгомери.

Отецъ мой, оскорбленный противъ него, имѣлъ съ нимъ очень жаркой разговоръ, въ которомъ поручивъ наотрѣвъ сказалъ ему, что никогда не перестанетъ любить его дочери. Я тогда вмѣшался въ это дѣло, вышелъ съ поручивомъ на поединокъ; и такъ, какъ онъ, боясь ранить меня, не употребилъ всего своего искусства, то я скоро и обезоружилъ его, но никакъ не могъ принудить отказаться отъ сестры моей; и чрезъ нѣсколько дней послѣ того она оставила отеческій домъ и здѣлалась его женою. Сиръ-Жемсъ Монгомери, единственный наследникъ имѣнiя 'своей фамилiи, возненавидѣлъ за то

Албертъ Ч. II. 3

своего брата и не далъ ему
ничего. Съ своей стороны
отецъ мой лишилъ наследства
сестру мою, и отослалъ об-
ратно не распечатавъ всѣ
письма, которыя она въ нему
писала. И такъ несчастнымъ
симъ супругамъ не оставалось
другой помощи, кромѣ одного
дяди, который лѣтъ чрезъ
пять послѣ женитьбы ихъ
умеръ, оставя имъ тысячу
фунтовъ стерлинговъ и не-
большое помѣстье въ Шотлан-
дїи, куда поручикъ вышелъ
въ опшшавку, по причинѣ по-
лученной имъ раны, и пере-
ѣхалъ жить съ своимъ семей-
ствомъ. Шесть лѣтъ уже,
какъ умеръ отецъ мой въ
старости лѣтъ и оставя по

себѣ большое богатство; но за годъ еще до смерти своей здѣлся такъ слабъ, что это мومتъ извинить забвеніе его о себѣ. Но меня ничто, и никогда не извинитъ. Состояніе мое многіе годы удержало меня въ Америкѣ — и я почти совсѣмъ забылъ бѣдную мою Маріанну. Когдажъ получилъ письмо ея, то душа моя чувствительно была тронута, и прежняя дружба моя и любовь къ ней возродились съ новою силою. Продолжительное мое забвеніе показалось мнѣ непростибельнымъ варварствомъ, — и я тотчасъ отправился въ Англію, чтобъ исправить вину свою. Но Богъ наказалъ меня: уже было поз-

до — я не имѣлъ сестры, и былъ бы въ величайшемъ отчаянїи, еслибѣ она не оставила дѣшей, которымъ могу воздать то, чѣмъ былъ ей долженъ.“

Госпожа Стэнгопъ поблагодарила Полковника за его поведеніе, извиняясь, что возбудила горестныя для него воспоминанїя.

„Вы очень хорошо здѣлали, сударыня, отвѣчалъ онъ, я не стою нисколько состраданїя, потому что поступилъ какъ дикой звѣрь. . . . Всякой день, поутру и ввечеру, я прочитывалъ письмо бѣдной моей Марїанны: это было мнѣ мучительно; угрызенїя совѣсти жестоко меня терзали; но я

возвратите . . . . А ! вотъ и Албертъ ѳдетъ , продолжалъ онъ смотря въ окошко , посмотрите какъ онъ сидитъ на лошади ! онъ не похожъ на женоподобныхъ вашихъ модниковъ . Не правда ли , что онъ славной молодецъ ? и къ тому жъ такъ силенъ . . . . О ! я никогда не забуду того вечера . . . — Какого вечера ? спросила Марїяна , видя , что онъ вдругъ остановился . — Какая тебѣ нужда ? это былъ щастливой вечеръ , для него и для тебя — этого довольно : дѣвочки не должны быть очень любопытны .

ГЛАВА XXVII.

Признаніе. Исправленіе.

Албертъ донесъ своему дя-
дѣ, что нашелъ домъ и земли
въ наилучшемъ положеніи, и
предложилъ ему побхать само-
му ихъ осмотрѣть прежде по-
купки.

„Нѣтъ, сударь, я не побду.
Да развѣ я не для того васъ
и посылалъ, чтобъ не имѣть
самому этаго труда? . . . . .
Впрочемъ Марїинна все знаетъ.
Тебѣ открылъ я мою тайну
въ движеніи гнѣва; а сестра
швоя, не знаю какимъ волшеб-
ствомъ, совершенно меня ра-
строила — и я признался ей
какъ ребенокъ.“

Албертъ и Маріявна были въ восхищеніи и госпожа Стангопъ раздѣляла ихъ радость.

„Албертъ, сказалъ Полковникъ своему племяннику, завтра купи это имѣніе; а чрезъ мѣсяць я намѣренъ у тебя обѣдать. — У меня обѣдать, сударь? — Да, у тебя; что? развѣ ты не захочешь дать мнѣ и пообѣдать? — послушай, племянникъ, домъ, который ты купишь, будетъ твой. Мнѣ хочется видѣть, какъ ты будешь поступать, когда здѣлаешься независимъ; къ тому же надобно исправить свою вину. Я подозрѣвалъ тебя въ какой нибудь тайной интригѣ по случаю скромности твоей вразсужденіи твоихъ дол-

говѣ; но Маріанна привела меня въ стыдъ — и я долженъ исправить свою несправедливость противъ тебя... Прошу мнѣ не противорѣчить: я такъ хочу; и добрая эта дѣвушка будетъ нашею хозяйкою, пока ты женишься, или она выйдетъ замужъ.“

При сихъ словахъ Маріанна бросила на госпожу Стангопъ прискорбный взоръ, и она ей шмыгъ же съ улыбкою отвѣчала. Албертъ, замѣтивъ то, отвѣчалъ Полковнику.

„Любезный дядюшка! Госпожа Стангопъ столь милостива, что не почитаетъ присутствію сестры моей для себя отягощительнымъ; и Маріанна подѣ покровительствомъ ея

жила щастливо. Я увѣренъ, что подумавъ объ этомъ, вы не захотите ихъ разлучить. — И конечно нѣтъ, еслили госпожѣ Стангопъ угодно оставить ее у себя, вскричалъ Полковникъ съ живостію. Она была ее другомъ, когда все оставили ее, и мы никогда не должны этого забывать. Къ тому же, оставляя ее у себя, вы предоставляете намъ, сударыня, право почаще васъ посѣщать. — Признаюсь, сказала госпожа Стангопъ, что мнѣ очень будетъ грустно расстаться съ Маріянною; но вы имѣете на нее большія права нежели я, и мнѣ должно вамъ пожертвовать своимъ удовольствіемъ. — Ахъ! еслили

узы сильнѣе твоихъ, которыя ялагають благодарность, сказалъ Албертъ? — Не думаю, сударыня, подхватилъ Полковникъ, и для того, что хочу привязать ими себѣ этого молодца навсегда. — Надѣюсь, любезный дядюшка, что поведеніе мое лучше докажетъ вамъ мою признательность, чѣмъ слова. “

„— Ты былъ доброй сынъ и братъ, а потому я не сомнѣваюсь, что ты и всѣ другія обязанности такъ же хорошо исполнишь. . . . Какъ скоро мы учредимъ свое хозяйство, то я требую, чтобъ ты женился. Мы попросимъ госпожу Стангопъ, чтобъ она помогла тебѣ найти добрую для себя

жену. — Это порученіе слишком щепотливо, чтобъ я могла его взять на себя, сказала госпожа Стангопъ. Сердце господина Монгомери будетъ ему въ семъ случаѣ лучшимъ путеводителемъ, и я столь хорошее имѣю объ немъ мнѣніе, что не боюсь отъ него неприличнаго выбора. — Можетъ быть вы правы, сударыня; но мнѣ нѣтъ времени ожидать. Жизнь человеческая неизвѣстна; а мнѣ уже шестидесятъ три года. Вы согласившись, что мнѣ очень прискорбно будетъ попроститься съ свѣтомъ не оставя послѣ себя маленькаго наследника, котораго я больше всего желаю. — Въ семъ случаѣ,

сказала госпожа Стангопъ сибъ-
 лъ, я уже не знаю, что
 вамъ совѣтовать; но мнѣ ка-
 жется вы еще довольно здо-
 ровы; выжъ сказывали, что
 и батюшка вашъ умеръ въ
 глубокой старости; то не
 можете ли и вы надѣяться
 прожить столь же долго какъ
 и онъ? — Отецъ мой умеръ
 на девятидесятомъ году. Какъ
 бы я щаспливъ былъ, если-
 либъ въ старости моей ок-
 ружали меня два, три, четы-
 ре внучка здоровыхъ, рѣзвыхъ,
 сильныхъ какъ отецъ ихъ! осо-
 бливо бы я радовался, еслилибъ
 они столь же искусно отпра-
 жали . . . “

Албертъ прервалъ его рѣчь,
 потихоньку его толкнувъ . . .

Албертъ Ч. II.

И

„Подожди, сказалъ онъ ему на ухо, а поправлю свою глупость . . . Да, сударыня, продолжалъ онъ громко, Албертъ отражаетъ . . . насмѣшки удивительнымъ образомъ. Я сколько ни старался разстроить его и привести въ замѣшательство — все было тщетно: онъ обезоружилъ и побѣдилъ меня какъ видите.“

Ввечеру госпожа Стангопъ велѣла приготовить у себя постели для Полковника и его племянника, не позволивъ имъ удалиться въ трактиръ, какъ они того хотѣли. Когдажъ она осталась одна съ Марїинойю, то происшествiя сего дня были интереснѣйшимъ предметомъ ихъ разговора.

Объ они замѣнили, что имъ не все было рассказано, и что у Полковника была съ Албершомъ канакшо шайна. Спросить о томъ у сего послѣдняго, казалось имъ бесполезнымъ: они знали, что онъ ничего не скажетъ.

Марїинна подумала, что можетъ бытъ братъ ея бился на поединкѣ съ Бернерсомъ; но госпожа Стангопъ опровергла это мнѣнїе. „Впрочемъ, сказала она, я запрашусу у него безъ всякаго принужденїя, видѣлъ ли онъ послѣ нашего отъѣзда изъ Лондона племянника моего и вѣдостояннаго его друга. Онъ не скажетъ — и отвѣтъ его поможетъ намъ отгадать ис-

шняну. Веселость его и Подковнига должны увѣрить васъ, что не случилось ничего печальнаго!“

Сѣмъ разсужденіямъ успокоили Марїанну, и она стала тогда просить госпожу Стансонъ позволить ей прочесть письмо, которое ей далъ Полковникъ. „Я не смѣю попросить у него на то позволенія, говорила она, но вы можете, сударыня, здѣлать мнѣ эту милость потому, что онъ далъ вамъ письмо безъ всякаго условія. — Я была увѣрена, что вы захотите прочесть его, и для того не брала его; и мнѣ вѣжется лучше: не читавши возвратить его Подковнику. — Нѣтъ, су-

дарыня, я прошу васъ прочесть его: оно познакомитъ васъ съ почтенною моею ма-
тушкою. И еслили вамъ не
угодно согласиться на мое же-
ланіе, то мнѣ очень будетъ
это прискорбно; но я болѣе
не сплану васъ безповоитъ. —
Мнѣ не хочется вамъ отка-
зать, моя милая; но и согла-
ситься боюсь. — Ииѣше,
сударыня, во мнѣ не много до-
вѣренности. Конечно оно бу-
детъ мнѣ стоить слезъ, но
я утѣшусь мыслию, что ро-
дители мои наслаждаются те-
перь мирнымъ блаженствомъ,
достойною наградою ихъ до-
бродѣтелей. — Хорошо, я со-
гласна; но мы прочтемъ его
з а в т р а пораньше, чтобъ
Албертъ Ч. II. И 2.

двигаться въ замѣрзаву спокойными и грустью нашею не огорчить добраго Полковника.“

Марїанна согласилась на это и удалилась въ свою комнату.

ГЛАВА XXVIII

Интересное письмо.

Госпожа Стангопъ, вида вошедшую въ ней Марїанну очень рано поутру, легко угадала причину тавой посѣщенности. „Я не забыла моего общанія, сказала она; вотъ письмо. Я оставляю васъ одну, моя милая, чѣтобъ вы на свободѣ могли предашься чув-

спованіямъ, которыя оно вамъ ..
 внушитъ. Я чрезъ полчаса
 возвращусь и надѣюсь найти
 васъ спокойною. Вы врно не
 заставите меня рассказаться
 въ моемъ снисхожденіи на ва-
 шу просьбу. “

„Она вышла — и Маріян-
 на, оставшись одна, бросилась
 на колѣни и открывъ трепе-
 щущею рукою письмо, чита-
 ла слѣдующее :

„Любезный братецъ!

„При праѣ гробовомъ, въ
 ту минуту, когда исчезаютъ
 всѣ призраки живни челоѡв-
 ческой, послѣ тридцати лѣт-
 него молчанія, давно забывшая

вами сестра напоминаешь теперь сердцу вашему пріятныя чувства природы и призываетъ васъ въ исполненію обязанностей, которыя смерть ея на васъ возложила. Ахъ! Мавринъ, для чего былъ ты непримиримымъ врагомъ любезнѣйшаго изъ друзей моихъ? Какъ могъ ты ненавидѣть покровителя, супруга любезной твоей Маріанны?... Этого друга, этого супруга уже не существуетъ... Онъ прежде меня спустился во гробъ, которой вскорѣ соединитъ насъ... Но покидая свѣтъ, я оставляю въ немъ драгоценнѣйшее мое сокровище. Последняя прощанья моя въ тому, который нѣвогда столько

любилъ меня, будетъ объ
всѣхъ.

„Юные плоды любия мой,
сынъ и дочь, наследники до-
бродѣтелей отца своего, тре-
буютъ покровительства дяди
своего и вниманія, которое
заслуживаютъ невинность ихъ
и нещеснїя. Они научились
довольствоваться малымъ и
питаться трудами рукъ сво-
ихъ; но они не знаютъ опа-
сностей свѣта и имѣютъ ну-
жду въ опытномъ путеводи-
тель на трудномъ пути, въ
которой вступятъ. Не от-
вергни усерднаго моленія уми-
рающей сестры своей: будь
покровителемъ, другомъ, оп-
цомъ дѣтей ея; собственное
твое сердце и благословенїд

Всевышняго, копорой будешь
всегда судить насъ обвѣхъ,
достойно тебя за то награ-
дашь.

„Ахъ, Мавриій, естльмбъ
мы могли еще увидѣться, и
уверена, что ты поспѣшилъ
бы принять залогъ, которой
я тебѣ вѣрю, и шѣмъ за-
гладилъ бы то, въ чемъ ты
виновенъ предо мною, которая
не преставала любить тебя
съ нѣжностію. Какому при-
зраку пожертвовалъ ты мо-
имъ и своимъ благополучіемъ?
Смѣшвой гордости, которая
ни мало не замѣнила тѣхъ удо-
вольствій, которыхъ тебя ли-
шила, и изоушила твое серд-
це, удаля его отъ сестры, не
заслужившей, даюей ненави-

спи, и брата, который был бы первым другом твоим, если бы ты лучше знал его.

„Я не отношусь к Сирю Жемсу Монгомери. Дети мои не должны ничего требовать от человека, показавшего себя столь нечувствительным. Можешь быть та же гордость, которая содвела его врагом нашим, заставила бы его извлечь из нищеты детей родного брата своего, и самолюбие заступило бы место ощущений природы; но дети мои не будут принуждены" принимать оскорбительных пособий Мирное убь-шище, где я провела столько щасливых дней об обещав-

кимъ супругомъ, будетъ и имъ служить пристанищемъ, а проценты небольшого капитала, составляющаго ихъ наследіе, помогутъ имъ вести жизнь хотя неидеальную, но честную и независимую.

„Мы остаемся молишь Милосердаго Творца, да продлитъ тебѣ свою милость и покровительство, которое до сей забавляло тебя отъ опасностей военнаго состоянія. Ты выслужилъ чины и пріобрѣлъ богатства; но не забудь, что въ послѣдній часъ жизни нашей всѣ сіи преимущества исчезнутъ какъ тѣнь, и въ утѣшеніе твое останется только воспоминаніе о добрыхъ дѣлахъ, которыхъ здѣлаешь.

„Рука моя съ трудомъ изображаетъ на бумагѣ сіи писъмена . . . . Это послѣднїя . . . . Когда ты ихъ получишь, то я чувствую, что не будешь уже имѣть сестры.

„Еслили со временемъ раскаяніе о суровости, съ которою ты шагъ давно со мною поступалъ, будетъ слишкомъ терзать тебя, то утѣшся въ споминанїемъ, что я была щастливѣйшая изъ женщинъ, и что въ совершенному блаженству моему не доставало только примиренїя съ семействомъ моимъ. Я не была богата, но и не бѣдна, наслаждалась злагою умеренностію. Время еще болѣе утвердило взаимную нашу прива-

зависимость; и дѣти наградили попеченія наши объ нихъ добродѣтельными поведеніемъ своимъ.

„Слабость силъ моихъ лишаетъ меня удовольствія больше писать къ тебѣ... Сердце мое утѣшаетъ меня, что исполнись мою прозъбу... Эта надежда утѣшаетъ для меня мысль о жесшовой разлуки... Прощай, Мавриній. Будь отцомъ дѣтей моихъ: Богъ наградитъ тебя за то. Прощай!

Маріянна Монгомери.

Квинсѣ-Роу Броутоубъ, “

Чтеніе сего письма часто прерываемо было вздохами и

слезами Маріанны, однакъ она старалась утѣшиться; госпожа Стангопъ возражаясь, нашла ее совершенно спокойною — и они пошли къ ожидающимъ ихъ завтраку Полковнику и Алберту.

ГЛАВА XXIX.

Чувствованія благородной души. Пріобрѣтеніе.

Госпожа Стангопъ не преминула спросить за завтракомъ у Алберта о своемъ племянникѣ.

„Господинъ Монгомери, сказала она ему, не видались вы

послѣ нашего отбѣзда изъ Лондона Фридриха или Бернса? Я не совсѣмъ спокойна въ разсужденіи поведенія моего племянника. Молодость его и тѣсная связь съ развращенымъ человекомъ могутъ быть причиною поступковъ, весьма предосудительныхъ.

Полковникъ засмѣялся, думая, что теперь племянникъ его принужденъ будетъ отворить произшествіе, о которомъ ему очень хотѣлось разсказать. — „Я ихъ нечаянно встрѣтилъ въ кофейномъ домѣ, отвѣчалъ Албертъ. — Я надѣюсь, что племянникъ мой узналъ свою ошибку насчетъ насъ. — Я тоже думаю, сударыня, что Г. Сеншъ . Ос-

тѣнь въ заблужденіи ; а отъ природы не склоненъ къ распуску. И естли позволено мнѣ сказать свое мнѣніе, сударыня, то мнѣ кажется надобно стараться вротоспїю образумить его и вывезть изъ заблужденіи на щепѣ Берверса. Влїніе этого злаго чловѣка на вашего племянника не должно васъ удивлять, естли вы возьмете въ рассужденїе силу впечатлѣній дѣтскаго возраста. Различїе власти отца надъ сыномъ и наставника надъ воспитанникомъ очень невелико. — По чести, вскричалъ невольно Полковникъ, этому чловѣку нѣтъ подобнаго въ поднебесной ! . . . .

„— Я право не знаю, что мнѣ дѣлать, продолжала госпожа Стангопъ будто не слышавъ восклицанія Полковника; мнѣ очень больно видѣшь его въ такомъ заблужденіи, и я боюсь, что его ничто уже не исправитъ. — А я думаю прошивное, сказала Маріанна. Господинъ Сейтъ-Остенъ не имѣетъ склонности въ распуштву; и доказательствомъ тому, что поступокъ его со мною былъ противъ собственныхъ его правилъ, можетъ служить то, что онъ употребилъ на то другаго, которому вѣрно не смѣлъ бы задѣлать такого порученія, еслилибъ не онъ самъ выждался исполнить его. — Мой племянникъ долженъ

благодарить вас за это мнѣ-
нїе, отъчала Г-жа Стэнгопъ,
и я желала бы видѣть его до-
стойнымъ такого великоду-
шїя . . . . Но оставимъ этотъ
разговоръ. Утро неподобное:
какъ вы думаете, ^А господинъ
Полковникъ, не прогуляться
ли намъ въ Блэквудъ? "

Г-нъ Обрїенъ съ охотою на
то согласился — и всѣ шоп-
часъ туда побѣжали въ коля-
снѣ. Домъ и земли были со-
вершенно по вкусу Полковни-
ка, и онъ скоро сошелся съ
продавцемъ въ цѣнѣ и купилъ
ихъ. Албертъ, которому по-
ручено было исполненїе раз-
ныхъ перемѣнъ и украшенїй,
которыя Полковникъ, нашелъ
нужными, ревностно шѣмъ

заялся — и черезъ мѣсяцъ,
какъ онъ того желалъ, все бы-
ло гошово.

Г Л А В А ХХХ.

*Разговоръ. Неосторожность.
Слабое усиліе возвратиться
на путь добродѣтели.*

Четырехъ недѣльное пре-
бываніе въ деревнѣ поправило
не много здоровье госпожи
Сентъ-Остенъ. Фридерикъ
былъ не доволенъ собою и со-
жалѣлъ о Лондонѣ. Гертруда
также не была спокойна: от-
сутствіе Бернерса, а еще боль-
ше того письменное обща-

віе, ему данное, огорчало ее. Конечно не одна гонимая героиня романовъ такъ поступала; однакожъ эти размышленія не успокаивали ее: поступокъ, которой она должна была скрывать отъ своей матери, даже въ собственныхъ ея глазахъ, былъ непростительенъ. „Однакожъ, говорила она иногда сама себѣ, почему я недовольна своимъ поведеніемъ? Еслили я не должна быть его женою, то какая мнѣ нужда до замужства? Я знаю, что онъ меня любитъ, и мы такъ давно уже знакомы, что я должна быть увѣрена въ его честности.“

Въ другое время дныя размышленія нарушала въ спо-

жйствѣе. „Матушка меня любишь съ нѣжностію, говорила она, а я здѣлала столь важной поступокъ безъ ея воли! она скрытность есть знакъ неблагодарности, покрывающій меня стыдомъ . . . Таакъ и быль, открою мою тайну Фридерикю, чтобы изъ того ни вышло. Онъ другъ Бернерса — и совѣты его будутъ моими путешественниками.“

Рѣшившись такимъ образомъ, Герпруда воспользовалась первымъ случаемъ, когда осталась на единѣ съ своимъ братомъ, и начала свой разговоръ съ нимъ вопросомъ: почему Бернерсъ не прѣхалъ съ нимъ въ деревню? Фридерикъ не почелъ нужнымъ скрыть

отъ нее настоящую тому причину; и признался ей, что другъ его жаловался на холодную пріемь, которой мать ихъ адблала ему въ послѣднее его посвщеніе, и потому оплазался ъхать съ нимъ въ деревню.

„Въ самомъ дѣлѣ, сказала Герпируда, я помню, что машушка приняла его тогда не такъ дружески какъ обыкновенно; но онъ бы долженъ былъ подумать, что можетъ быть одна разстройство здоровья ея, была тому причиною. Но мнѣ удивительнѣе всего, что не захотѣвъ ъхать къ намъ, онъ не побжалъ повидаться съ отцомъ своимъ. — Я самъ этому дивлюсь,

отвѣчалъ Фридерикъ; но думаю, что деревня не имѣетъ для Бёрнера никакихъ прелестей. Онъ любитъ одни шумныя свѣтскія забавы, а единообразная сельская жизнь не можетъ ему нравиться.“

Гертрудѣ было очень неприятно это слышать, и она въ некоторое время осталась въ горестномъ молчаніи, но вскорѣ ободрась, продолжала:

„Можетъ быть въ Лондонѣ есть у него предметъ приваиванности. Мнѣ кажется я слышала, что онъ былъ влюбленъ въ Мисъ Монтомери, а пѣтъ то и не понравился Г-жѣ Стангопъ.“

Тутъ въ свою очередь Фридерикъ пришелъ въ замѣша-

тельство; но видя, что сестра его ничего не знала, скоро оправился.

„Я думаю, моя милая, опробчаль онб, что нбтб женщины вб свбтб, которую бы Бернерсб любилб менб Миссб Монгомери, котл и отдаебт справедливостб красотб ея и достоианствамб. Впрочем я думаю, что онб любитб всбхб женщинб вообще, не имбл ни вб одной особливой привязанности. — Мнб кажется, что ты ошибавшься, братецб. Я думаю, что онб имбетб столько чувствительности, что долженб отличать какую нибудь женщину, а не любить всбхб безб разбору.“

Албертб Ч. II.

К

Это разсужденіе заставило Фридерика разсмѣяться: послушай, моя милая, сказалъ онъ сестрѣ своей, романическія твои мысли всегда будутъ мѣшать тебѣ видѣть вещи въ собственномъ ихъ видѣ. Бернерсъ лучшій другъ мой, но я думаю, что онъ никогда не женился. Я сердечно сожалѣлъ бы о женѣ такого человека. “

Послѣ такого замѣчанія, Гертруда вовсе не хотѣла уже открывать ему своей тайны, да рѣшилась впередъ и никому объ ней не говорить.

„Мнѣ кажется, продолжала она послѣ нѣкотораго молчанія, что ты дѣлалъ Миссѣ

Монгомери и брату ее очень великодушныя предложенія : они непростительно прешивъ себя поступили. “

Фридерикъ ясно видѣлъ, что Гертруда знала это дѣло со-сѣвъ съ противной стороны.

Не желая ничего сказать объ этомъ дѣлѣ, чтобы могло довести до объясненія, онъ отвѣчалъ : „Тутъ было недо-разумнѣе съ обѣихъ сторонъ. Мнѣ хотѣлось бы предать это совершенному забвенію. — Господинъ Бернерсъ нивог-да этого не забудетъ, сказа-ла Гертруда. Г-нъ Монгомери очень обидно съ нимъ посту-пилъ. — Бернерсъ самъ вино-ватъ, что не сохранилъ дол-жной умѣренности. Зная,

что это было недоразумѣнїе, онъ не долженъ былъ и заниматья тѣмъ. — Хорошо, но онъ вспыльчивъ и гордъ. Да и Г-нъ Монгомери не меньше его горячъ, судя по поступку его въ Сенш-жемскомъ паркъ. И еслили бѣвъ поназываетъ столько надменности въ вещасти; то чтожъ бы онъ дѣлалъ, когдабъ былъ въ лучшемъ положенїи? “

„Вѣроятно былъ бы скромнѣе, ошвѣчалъ Фридерикъ. Г-нъ Монгомери самой большой мой врагъ; но я долженъ отдать ему справедливость, объявляя, что не знаю человека благороднѣе и великодушнѣе его.“

Гертруда, удивленная симъ отаѣшомъ, хотѣла бы полу-

чить тому объясненіе ; но братъ ей, которой имѣлъ причины убѣгать шого, оставилъ ее.

„И такъ , сказалъ Фридрихъ оставшись одинъ , я долженъ еще почитать тѣхъ , которые меня ненавидятъ и презираютъ ! Предположеніа Гертруды доказываютъ мнѣ , что постыдное поведеніе мое неизвѣстно ни ей , ни матушкѣ . О великодушная Маріяна ! безъ сомнѣнія безразсудное бѣшенство Бернерса принудило ее открыть все Гѣнъ Стангопъ ; но сколь благородна сиромность ея съ моею сестрою ! и сколь долженъ я быть благодаренъ тетушкѣ , что она не захотѣла очер-

нить меня въ глазахъ матушки! . . . Ахъ ! можетъ быть я и успѣю еще возвратить ихъ почтеніе ! . . . но для сего надобно прежде всего разорвать связь мою съ Бернерсомъ ; а могу ли я это здѣлать послѣ всего, что неосторожная дружба его ко мнѣ заставила его претерпѣть? “

Наконецъ Фридрихъ рѣшился возвратиться въ Лондонъ и исполнить желаніе друга своего, которой со всякой почтой звалъ его. Едва прїѣхавъ туда, какъ замѣтилъ пошчасъ, что Бетси Сутернъ, дочь его хозяйки, привлекала на себя вниманіе Бернера и сообществовала ласкамъ его съ шавинъ видомъ,

какъ бы и сама была къ нему не равнодушна. Часто слышалъ онъ отъ него похвалы этой дѣвушкѣ, приписывалъ ихъ обыкновенному его пристрастію къ женщинамъ; но вскорѣ увѣрился, что онъ имѣетъ на нее особливые виды, и съ тѣхъ поръ принялъ великодушное намѣреніе попрепятствовать успѣху его.

„Я лучше бы хотѣлъ, сказалъ онъ съ важнымъ видомъ, чинобъ эта дѣвушка не возвращалась изъ деревни поны мы здѣсь пробудемъ. — По чести, любезный Фридрихъ, ты долженъ поберечься, а по скоро здѣлаешься самымъ снучнымъ философомъ. Эта молодая дѣвушка прелестна, и со-

шворена для любви. — Согласенъ ; мало ешь столь прекрасныхъ лицъ и съ такою еще невинностію. — Я не находилъ еще столь прелестной женщины : скромна , тиха , и такъ легковѣрна! . . . словомъ, такъ мнѣ нравится , что я еще никого такъ не любилъ какъ эту дѣвушку. — Ты намѣренъ женишься на ней? — Боже меня сохрани ! правда, мнѣ надобно было общать ей это , чтобъ успокоить ее и выиграть время ; и знаешь ли, что она мнѣ отвѣчала ? Маріанна ни мало не была тебѣ признательна за такое предложеніе ; и еслибъ приняла его , то я увѣренъ , что отъ тебя бы еще требовала бла-

годарности за свое на то согласіе. А здѣсь, мой другъ, какая разнища! эта милая дѣвушка почти благодарила меня за такое снисхожденіе. Она съ робостію отвѣчала мнѣ, что не щитаешь себя достойною быть моею женою; но что естели я здѣлаю ей эту честь, то она никогда не забудетъ, чѣмъ будетъ мнѣ за то одолжена, и обязанностей, налагаемыхъ на нее симъ званіемъ. — Ужь ли ты обольстишь ее въ награду за такую скромность, вскричалъ Фридерикъ, надобно имѣть каменное сердце, чтобъ на это рѣшиться. — Скажи лучше, не старайся побѣдить ее предразсудковъ и здѣлать ее ща-

спливою. — Таковое щастіе вѣроятно для нее не будетъ щастіемъ. — Ошибаешься, она будетъ послушна и уже согласилась видѣться со мною вѣтайнѣ, а одинъ не благопрістойной поступокъ влечетъ за собою и другіе. Мнѣ очень было трудно согласить ее на первыя свиданія, но два послѣднія были назначены ею самою. Мы видаемся вѣ парѣ, ибо мать ея настоящій Аргусъ; и мы очень беремся вѣ ея присутствіи, чѣтобъ не подать никакого подозрѣнія: “

Разговоръ этотъ еще болѣе утвердилъ Фридерика вѣ намѣреніи его избавить неосторожную Бетси отъ опасностей, которыми она по не-

опытности своей подвергалась — и онъ началъ заниматься средствами исполнить его.

На завтрашній день, прогуливаясь съ Бернерсомъ, онъ нашелъ очень пріятной домикъ, который отдавался въ наймы, и предложилъ нанять его. Бернерсъ нимало тому не противился, потому что домъ этотъ былъ ближе ко всѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ бывалъ; а вразсужденіи инприги его, переменна квартиры нимало не могла быть ему препятствіемъ, ибо Бетси обѣщала прійти къ нему куда онъ захочетъ.

Пришедъ проститься съ Мистриссъ Сутеръ, Фридрихъ нашелъ ее одну съ до-

черью. Желая воспользоваться сим случаем и подать женой двинца спасительной совет, он сказал ей довольно громко: „Мис Бетси, когда вы выберете себе супруга, достойного вас и угодного вашей матушке, то позвольте мне тогда и мне честь проводить вас в олтарь; а чтобы вы не позабыли этой прозбы, то прошу вас принять эту безделку для памяти!“

При сих словах он вручил ей довольно богатой перстень, и убегая от извясней благодарности Бетси и матери ее, возвратился в свою комнату, и взяв с со-

бою Бернерса, отправился въ новую свою квартиру.

Фридерикъ здѣлалъ доброе дѣло, и однакожъ не чувствовалъ себя отъ того счастливымъ. Увѣренъ будучи, что онъ долженъ отказаться отъ надежды пріобрѣсть любовь Маріанны, онъ рѣшился употребить всѣ способы изгладить изъ сердца своего образъ ея. Съ того времени онъ совершенно предался распутству, слѣдуя примѣру Бернерса. Ни мало не любя игры, онъ часто игралъ по цѣлымъ ночамъ, и по большой части много проигрывалъ. Чтобы быть всевѣмъ моднымъ человекомъ, онъ взялъ на содержаніе любовницу, просла-

Албертъ Ч. II. Л

жившуюся въ волонитствѣ ; и хотя она была очень хороша , однаможь и въ самыхъ объятїяхъ ея , постигала его скука и пресыщенїе , какъ скоро воспоминалъ онъ о Марїаннѣ . Роскошные пиры , сладострастные праздники были любимыми его забавами ; но по несчастїю слабое здоровье его не могло переносить такого рода жизни ; и послѣ всякаго подобнаго празднества онъ по нѣскольку дней бывалъ боленъ — и тогда опять возвращались тягостныя воспоминаванїя , которыхъ онъ убѣгалъ .

Такимъ-то образомъ Фридрихъ , стараясь заглушить щастливныя внушенїя своего сердца , погружался болѣе въ

распутство и скорыми шагами приближался къ своей гибели; онъ достигъ наконецъ двадцать втораго года своей жизни. Долги его были безчисленны; но предавшись совершенно забавамъ, онъ не имѣлъ времени заняться ими; и самая Маріяна уже очень рѣдко занимала собою его мысли. Въ связи со всѣми модными мужчинами, любимѣйшими и вѣспѣнѣйшими женщинами, онъ почти примирился съ собою и дошелъ до того, что начиналъ удивляться, какъ совсѣмъ не опытная провинціалька могла ему противостоять.

ГЛАВА XXXI.

*Разумная предосторожность,
весьма неприятная нѣкто-
рымъ людямъ.*

Обыватели Блэквуда ощу-
щали нѣчто болѣе похожее на
благополучіе. Полковникъ Об-
рїенъ, всегда такъ же вспыль-
чивъ, такъ же страненъ, но нѣ-
жнѣйше любящій дѣшею се-
стры своей, ежедневно пона-
вывалъ имъ новые знаки сво-
ей привязанности. Марїявна
писала въ Мистрисъ Мозели,
и отъ имени своего дяди пред-
ложила ей или нужную для
торговли ея сумму денегъ,
или убѣжище въ Блэквудъ, от-
давая то на собственной ея

выборъ ; — и почтенная эта женщина, согласясь охотно на последнее ея предложеніе, отвѣчала, что какъ скоро сдастъ лавку свою сестрѣ, то немедленно оставитъ Лондонъ.

Въ одинъ день Госпожа Стангопъ, желая посѣтить Полковника и племянника его въ новомъ ихъ жилищѣ, только что хотѣла съестъ съ Маріянкою въ коляску и отправиться туда, какъ получила съ нарочнымъ письмо, по которому должна была предпринять дальнѣйшее путешествіе. Вотъ какого содержанія оно было :

„Милостивая Государыня!

„Госпожа моя проситъ васъ какъ можно скорѣе къ ней

Албертъ Ч. II. Л 2.

прїѣхать. Съ самаго прїѣзда
своего изъ Лондона она все бы-
ла не здорова, но не позволя-
ла своей дочери васъ о томъ
увѣдомить, боясь васъ потре-
вожить; но сего утра лопяу-
шая въ груди ея жила поста-
вляетъ ее на край гроба, и
она очень желаетъ васъ ви-
дѣть. Барышня наша все си-
дитъ возлѣ нее, и такъ огор-
чена, что не можетъ сама
писать къ вамъ, а поручила
мнѣ здѣлать это.

Ваша прворнѣйшая слуга
Сюзанна Рочъ.

П. П. Съ симъ же нароч-
нымъ посланы письма и къ
господину Севтъ-Остену. “

„Вотъ чего давно я боялась, сказала госпожа Стангопъ Марїинѣ, показывая ей это письмо. Здоровье сестры моей всегда было слабо; и привыкши съ самаго дѣтства своего въ спокойной деревенской жизни и чистому воздуху, она погубила себя утомительными забавами Лондона. Я вей часѣ въ ней побѣду, и почну себя щаспливою, естли могу въ чемъ нибудь быть ей полезна; а вы, моя милая, оставайтесь здѣсь съ братомъ своимъ и дядею — подобное путешествіе не можетъ быть вамъ прїятно. — Естли я могу быть вамъ полезна, то распорягайте мною. Въ обстоятельствахъ столь горест-

ныхъ миѣ не хотѣлось бы съ вами разстаться. “

Однакожъ госпожа Стангопъ не согласилась на ея желаніе, дабы не здѣлать сестрѣ своей неудовольствія присутствіемъ той особы, съ которою она столь грубо обошлась, и которая шеперь здѣлалась ей равною, какъ со стороны значности, такъ и богатства.

Госпожа Стангопъ вѣхала съ возможною скоростію и имѣла утѣшеніе найти сестру свою еще въ живыхъ, но безъ всякой надежды къ выздоровленію. Въ первой разъ въ жизни госпожа Сентъ - Остенъ показала чувствительною въ долговательствамъ дружбы сестры своей. „Ахъ! сказала она сла-

бымъ голосомъ , я чувствую теперь сколько я виновна противу васъ, но жизнь моя теперь не продолжится столько, чтобъ я могла поправить вины мои. Будьте покровительницею моею Гертруды; я вамъ ее поручаю; и умру спокойно, если вы на это согласитесь. — Я бы лучше хотѣла, чтобъ вы, не въ такихъ горестныхъ обстоятельствахъ мнѣ ее повѣрили, отвѣчала госпожа Стангопъ; но будьте увѣрены, любезная сестрица, что Гертруда будетъ для меня какъ родная дочь моя. ⁶⁶

Слабая улыбка показалась на устахъ умирающей, которая потомъ спросила: „буду ли я имѣть удовольствіе ви-

дѣть моего сына? — Да гдѣжь Фридерикъ? спросила госпожа Стангопъ у Гертруды, плачущей у ногъ своей матери. Возможно ли, чтобъ онъ до сихъ поръ не прѣехалъ. — Нарочный возвратился вчера вечеромъ, сказала Гертруда. По несчастію бранца нѣтъ въ Лондонѣ, и онъ не прежде туда прѣдетъ какъ чрезъ двѣ недѣли. При отвѣздѣ своемъ онъ приказалъ удерживать всѣ письма до его возвращенія, и потому не знаютъ гдѣ онъ. Я увѣрена, что еслибы онъ могъ быть извѣщенъ въ какомъ положеніи мапушна, то не замедлилъ бы прѣехать сюда.

Госпожа Стангопъ ничего ей не отвѣчала и продолжала

свои попеченія о сестрѣ; но ничто не могло возвращить ее въ жизни — и она на завтрашнее утро скончалась.

Когда первое впечатлѣніе отъ сего горестнаго происшествія прошло, то госпожа Стангопъ открыла духовное завѣщаніе сестры своей, въ той мысли, что можетъ быть въ немъ есть такія статьи, которыхъ исполненіе не терпѣло отлагательства; но въ немъ только и было сказано, что Гертруда оставалась подъ ея опекою, и должна была получить шестнадцать тысячъ фуншовъ стерлинговъ приданнаго, если выдетъ за мужъ съ согласія своей тетки; въ противномъ же случаѣ лишаеть-

ся сей суммы и получить только то, что госпожѣ Станвопѣ угодно будетъ дать ей.

Послѣ погребенія она не хотѣла оставлять долге племянницы своей въ семъ печальномъ домѣ, и расположилась отправиться отъ шуда, взявъ ее съ собою.

Лакей, котораго Г-нъ Сентъ-Остенъ оставилъ въ Лондонѣ, разсудивъ, что непременно должно было извѣстить своего господина объ опасности матери его, узнавъ наконецъ послѣ продолжительныхъ розысковъ, что онъ въ Нью-маркетѣ; немедленно отправился шуда и вручилъ ему присланныя письма.

Едва успѣлъ Фридерикъ прочесть ихъ, какъ спросилъ почтовыхъ лошадей въ намѣреніи тотчасъ ѣхать.

„Поздравляю васъ, любезный другъ, сказалъ ему Бернерсъ, съ симъ щастливымъ произшествіемъ, теперь вы вѣрно еще богаче здѣлаетесь, и это не испортитъ вашихъ дѣлъ. — Боже меня избави отъ такого подлаго эгоизма! сказалъ Фридерикъ съ жаромъ. Не забудь, Бернерсъ, что госпожа Семтъ-Остенъ мать моя, и что я много передъ нею виноватъ. — Право, самъ Монгомери лучше бы не сказалъ; но я, человѣкъ чистосердечный и не рабъ предрасудковъ, я вижу вещи въ настоящемъ ихъ видѣ;

Албертъ Ч. II.

М

и нахожу, что ничто челоуѣка такъ не унижаетъ какъ лицемѣрїе. — Лицемѣрїе! пошорилъ Фридерикъ съ запальчивостїю. — Правда, что слово это нѣсколько грубо, но оно справедливо. За чѣмъ вы огорчаея симъ неминуемымъ произшествїемъ? Развѣ вы можете быть очень привязаны къ женщиѣ, которая всегда занималась одною лишь собою? Привязанность предполагаетъ взаимную любовь, или какїя нибудь оказанныя услуги, или благодаренїя; а я спрошу у васъ, что она такое здѣлала для васъ? — А развѣ я долженъ забыть, что ей одолженъ я жизнию и всѣми попеченїями, наковыя мать имѣ-

еть о сыяѣ. — Безподобная мысль! вскричалъ Бернерсъ захохотавъ. . . . Продолжайте, продолжайте тавія премудрыя разсужденія, — и я предсказываю, что вы умрете зашворникомъ. — По крайней мѣрѣ не человекомъ безчестнымъ, сказалъ Фридерикъ съ бвщенствомъ. “

Бернерсъ отвѣчалъ ему такъ же грубо, и ссора здѣлалась было очень важною; но онъ вдругъ сталъ говорить объ обязательствахъ, въ которыхъ имѣлъ Фридерикъ, и сколько они ему причиняли неудовольствій. Это было наилучшее средство потчасъ усмирить его воспитанника, который, не смотря на всѣ

свои заблужденія, былъ очень деликатенъ въ дружбѣ. Они помирились — и вскорѣ оба вмѣстѣ отправились въ путь.

Фридерикъ, погруженный въ мрачныя размышленія, очень мало говорилъ во всю дорогу, продолжавшуюся дѣль ночи и одинъ день. Между тѣмъ, какъ онъ терзался упреками своей совѣсти, Бернерсъ внутренно радовался, что получилъ отъ Гертруды обѣщаніе выйти за него, и надѣялся, что это скоро и случится.

По прїѣздѣ ихъ, печальное молчаніе, царствовавшее во всемъ домѣ, тотчасъ подало Фридерикъ мысль о несчастномъ проишествіи. „Какова машушка?“ спросилъ онъ у

старого дворецкого, отворявшего ему дверь, не примѣчая, что онъ былъ въ праурѣ. Старикъ покачалъ головою, ничего не отвѣчая. Но это было ясно для Фридерика.

„Гдѣ сестра? сказалъ онъ тогда. Свѣдите ей, что я прѣѣхалъ. — Она часа съ три навѣ уѣхала отсюда съ Г-жею Станголь, отвѣчала дворецкой. Къ вамъ въ Лондонъ послали двухъ нарочныхъ, удивительно, что вы ихъ не видали. — Меня не было въ Лондонѣ, сказалъ Фридерикъ — и вошелъ въ домъ. Онъ пробѣжалъ всѣ покои, думая найти тѣло своей матери; но все тамъ было въ порядкѣ, и не было нима-льшаго признаку, чтобъ кто
Албертъ Ч. II. М 2.

нибудь умерь. Онъ бросился на софу и слезы облегчили отягченное его сердце. Бернерсъ по прїѣздѣ своемъ потѣхъ часъ его оставилъ и пошелъ повидаться съ своимъ семействомъ. — Фридерикъ не много успокоясь призывалъ дворецкого и спрашивалъ его обо всемъ, что здѣсь происходило.

„Какъ скоро Госпожа моя почувствовала приближеніе своей кончины, сказала старой Лова, то немедленно послали съ тѣмъ извѣстіемъ нарочнаго къ вамъ и къ Г-жѣ Стангопъ. Она потѣхъ прїѣхала сюда; но вы, сударь . . . — Я былъ въ отлучкѣ . . . Дѣлѣ, съ кѣмъ прїѣхала Г-жа Стангопъ? Что она сказала не найди ме-

ня здѣсь? — Она, сударь, прїѣхала на кавунѣ смерти барыни; и хотя очень устала отъ дороги, однакожъ не оставляла сестрицы своей ни на минуту и провела возлѣ нее всю ночь. — По крайней мѣрѣ она можетъ утѣшиться тѣмъ, что исполнила свой долгъ. Продолжай, мой другъ; что она говорила обо мнѣ? — Передъ барынею ничего, какъ увѣрjala меня въ томъ ея горничная; но спустя полчаса по прїѣздѣ своемъ она послала своего лакея въ Лондонъ за вами; но онъ возвращаясь сказалъ . . . . — Нужды нѣтъ, что онъ сказалъ: онъ меня тамъ не нашелъ. Но я себя спрашивалъ, съ кѣмъ прї-

Ызжала сюда Г-жа Стангопъ?
 — Сь нею только были спарой Иванъ, Фома, да молодая женщина, которая не давно у ней живешъ.—И она то же!..
 Продашая побѣда въ Нью маркетъ!... Каковы были при отбѣздѣ своемъ сестра моя и тетюшка? Конечно Мисъ Монгомери старалась утѣшать ихъ? — Кто, сударь, спросилъ старикъ съ удивленіемъ?
 — Какъ, кто? ... молодая дѣвушка, прѣхавшая съ Г-жею Стангопъ.. прекрасная Мисъ Монгомери. — Ахъ, сударь, я не зналъ, что это ее фамилія. Безъ сомнѣія Женни была бы хороша, естлибъ не была коса и испорчена осною : : “

Фридрихъ потерялъ терпе-
 ливнѣе. „Дуракъ, вскричалъ
 онъ, какъ будто я о Женни
 говорилъ! — Какъ же вы, су-
 дарь, разгорячились! . . . Да
 почемужѣ мнѣ знать кого вы
 ожидали? — Ты правъ, любез-
 ный мой Иона; но я очень пе-
 ремѣнился, мнѣ бы надобно бы-
 ло умереть вмѣстѣ матушки!
 — За чѣмъ же, сударь? какъ
 можно еще ожидать многихъ
 щастливыхъ лѣтъ, только не
 надобно очень предаваться пе-
 чали. Но вы у меня ничего
 не спросили о духовной вашей
 матушки. — Я объ ней и не
 думалъ, мой другъ. Если
 матушка устроила состоянiе
 Гертруды, то я и доволенъ—
 мнѣ ничего не надобно. — Ко-

нечно у васъ нарядное состоя-
нїе, но и сестрица ваша не
бѣдна. Машушка оставила ей
шестнадцать тысячъ фун-
товъ оперлинговъ. — Д а и
Богъ, чтобъ они не доста-
лись въ руки какого нибудь
подлаго соблазнителя. — Успо-
койтесь, с у д а р ь. Госпожа
Стангопъ ее опекунка, Эти
шестнадцать тысячъ тогда
будутъ ей принадлежать, ког-
да она выйдетъ замужъ съ
согласїя своей тетушки; въ
противномъ же случаѣ полу-
читъ только то, что Госпо-
жѣ Стангопъ угодно будетъ
дать ей. — Возможно ли, чтобъ
машушка такъ благоразумно
поступила? . . . . Я увѣренъ,
что тетушка не откажетъ

въ своемъ согласіи челоуѣку честному, хошя бы онъ и не богатъ былъ; а бездѣльниковъ удалить отъ сестры. Необходимость сего согласія.“

Потомъ Фридерикъ приказалъ Тонъ собрать всѣ щеты, еще не уплаченные, дабы немедленно ихъ выплатишь.

„Это ужь здѣлано, сударь, сказалъ Тона. Госпожа Стангопъ заплатила все до послѣдняго шиллинга. Я было сказалъ ей, что вы вѣрно сами скоро будете, и она беспокоишь себя напрасно; но она отпѣчала мнѣ, что это все равно, и что вы между собою раздѣляетесь. Она сверхъ того дала всѣмъ людямъ по десяти гиней на прауръ и всѣмъ бѣд-

вымъ здѣшнимъ по черному
 платью. — Довольно, добрый
 Іона, оставь меня, я хочу
 быть одинъ; но надѣюсь сво-
 ро буду спокойнѣе. “

Іона почтительно поклонился молодому своему Господину и вышелъ.

„Какъ я долженъ назаться презрительнымъ Госпожѣ Стангопъ! вскричалъ Фридерикъ оставшись одинъ. Она думала, что оставивши мать при жизни ея, я не достоинъ былъ отдашь ей и послѣдняго долга. Я навсегда лишился ея уваженія. И долженъ ли еще тому удивляться? Можетъ быть она знала и то, гдѣ я былъ. Можетъ быть знала, что когда даровавшая мнѣ

жизнь испускала послѣднее дыханіе, въ то самое время я и аходился на развратномъ празднествѣ, въ толпѣ игроковъ, которыхъ я самъ презираю, и подлыхъ женщинъ, которыми гнушаюсь.“

Послѣ обѣда Бернерсѣ возвратился и нашелъ питомца своего не много спокойнѣе; и какъ онъ старался ничего не говорить такого, чтобы могло возбудить его горестъ, то бесѣда его была нѣвошорымъ облегченіемъ для опягченной души Сентъ-Остена. Одна важная вещь была предметомъ любопытства Бернерса, и онъ нашелъ случай спросить у Фридерика, здѣлала ли мать

Албертъ Ч. II. H

его духовную, и назначила ли приданое своей дочери.

„Матушка, сказалъ Фридрихъ, сдѣлала для Гертруды то, что я самъ посоветовалъ бы ей здѣлать. Въ духовной опредѣлено ей шестнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. — Шестнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ! повторилъ Бернерсъ съ восторгомъ, который почти его обнаружилъ . . . . . Сестрица ваша будетъ имѣть состояніе независимое. Я почитаю ее достойною сего, и увѣренъ, что она благородно будетъ имъ пользоваться. Я предполагаю, что она не долго останется у госпожи Шванговъ, чтобъ бытъ, послѣ

Мысль Монгомери, вторымъ предметомъ ея нѣжности. — Гертруда сама будетъ виновата, сказалъ Фридерикъ, еслили тетушка будетъ ей кого нибудь предпочитать. . . . Въ духовной есть еще одно постановленіе, о которомъ я забылъ вамъ сказать. Оно мнѣ болѣе меня удивило, что предполагаетъ гораздо болѣе разсудительности и благоразумія, нежели матушка обыкновенно ихъ показывала.“

Эти слова вдругъ охладили радость Бернерса. Хотя онъ еще и не зналъ, чего ему должно было опасаться; однакожъ нѣкоторое тайное предчувствіе возвращало ему, что онъ рано обрадовался; и онъ

принявши на себя видъ равнодушія, которое впрочемъ было очень далеко отъ его сердца, спросилъ наконецъ, какое это было благоразумное постановленіе.

„То, отвѣчалъ Фридерикъ, члю естли сестра моя выйдеть за мужъ безъ согласія на шо госпожи Стангопъ, то лишается своего приданаго, и будетъ имѣть только то, что тетушка угодно будетъ дать ей.“

По щастію Бернерса, что онъ тогда оборотился въ окошву; а шо смертельное его смятеніе вѣрно бы обнаружило его, естлибъ Фридерикъ могъ видѣть лице его.

„Вы ничего не говорите, продолжалъ Севтъ - Остенъ. Не согласны ли вы со мною, что это очень благоразумное поощреніе? Герштруда получила воспитаніе не такъ-то хорошее; и романическое ея расположеніе вѣрно здѣлало бы ее жертвою какаго нибудь хитраго соблазнителя, еслибъ она отъ одной себя зависѣла.“

При сихъ словахъ Бернерсъ вдругъ оборотился къ Фридрику, воображая себѣ, что намѣренія его были открыты, и что онъ симъ оборотомъ давалъ ему о томъ знать; но видя спокойствіе на лицѣ его, и самъ не много усвоился и сказалъ ему:

„Это постановленіе, которое кажется вамъ такъ благо-
разумно, нахожу я несправед-
ливымъ, жестокимъ, неизви-
нительнымъ. Это ли награ-
да за дѣшскую привязанность
Гертруды? Мать ея предаетъ
ее на жертву капризамъ жен-
щины, которой она и сама
при жизни своей терпѣть не
могла, и кошорав безъ сомнѣ-
нїи пожертвуетъ ею корысто-
любїю любимца своего Албер-
та. — Ненависть ваша къ
этому человѣку дѣлаетъ васъ
несправедливымъ. Ничто не
сомнѣвается въ благоразумїи
и великодушїи Г-ши Стангопъ.
Правда, что матушка боялась
ее, пошому что она всегда
оуждала ея слабости; но

этотъ самой поступокъ, котораго вы не одобряете, по-
казываетъ, сколько она была
увѣрена въ ея благоразуміи и
добродѣтели. “

Бернерсъ, чувствуя, что не
можетъ хладнокровно рассу-
ждать о происшествіи, разру-
шающемъ его надежды, рѣшил-
ся ничего больше не возражать,
и сказалъ Фридериву, что
хочетъ возвратиться къ сво-
ему отцу, у котораго пробу-
детъ до завтраго.

Сенсъ - Остенъ оставшись
одинъ провелъ вечеръ въ пи-
саніи къ Гертрудѣ. Изъяснивъ
ей сожалѣніе объ общей поще-
рѣ своей, и особливо горестъ
свою о томъ, что не былъ съ
нею въ столь важную мину-

шу, онъ описывалъ ей удовольствіе свое о распоряженіяхъ врасужденіи ее; обѣщая доставить ей немедленно всѣ брилліанты и другія драгоценныя вещи матери ихъ; и убѣждая ее попросить отъ него госпожу Стангопъ, чтобъ она потребовала отъ банкира его всѣ деньги, которыя она за него употребила.

ГЛАВА XXXII.

Притворство очень тягостно для благодарнаго сердца.

Госпожа Стангопъ, желая скорѣе окончить всѣ дѣла умер-

шей сестры своей, отпра-
 влясь съ Гертрудою въ Лон-
 донъ; и какъ домъ, въ кото-
 ромъ она прежде жила, не
 былъ еще занятъ, то она и
 наняла его на одинъ мѣсяць.

Госпожа Стангопъ всегда
 оказывала своей племянницѣ
 большую привязанность; но съ
 тѣхъ поръ, какъ она здѣла-
 лась ея опекуною, обхожде-
 ніе ея съ нею казалось было
 гораздо ибжнѣе: это было об-
 хожденіе друга. А госпожа
 Сентъ-Остенъ хотя и очень
 любила дочь свою, но всегда
 поступала съ нею какъ съ
 ребенкомъ. И часто была про-
 тивъ нее слишкомъ строга и
 несправедлива, и помужь бы-
 ла еще и свупа. И такъ Гер-

труда, уже удивленная и тронутая обхожденіемъ съ нею тетни ей, когда узнала, что будетъ получать отъ нее всякой мѣсяцъ на особливья свои издержки по сту фунтовъ стерлинговъ, не могла удержаться, чтобъ не сказать ей: „Ахъ, петушна, на что мнѣ столько денегъ! я не могу столько издержать. — Ты перемѣнишь мысли, моя милая, отвѣчала ей госпожа Стангопъ улыбаясь, когда узнаешь на какое употребленіе я ихъ тебѣ опредѣляю. Изъ этихъ денегъ ты должна будешь сама покупать для себя платья, что будетъ образованъ швей вѣкъ; потомъ сама будешь плачивать своей горничной, отъ чего

она будетъ тебѣ послушнѣе, нежели тогда, когда бы въ ней платила; а когда послѣ всѣхъ нужныхъ издержекъ будутъ еще оставаться у тебя деньги, то употреблай ихъ на вспоможеніе нещаснымъ. Состояніе швое, которое я намѣрена еще умножить, будетъ довольно велико, и тебѣ не должно быть слишкомъ экономной. Излишекъ нашъ принадлежитъ бѣднымъ; и удѣлять изъ него имъ больше удовольствія, чѣмъ обязанность.“

Герипруда, коей сердце отъ природы было чувствительно и признательно, прижала къ устами своимъ руку госпожи Станголдъ, говоря ей со слеза:

ми: „Дай Богъ, любезная те-
тушка, чтобъ я всегда была
достойна вашихъ милостей! —
Я столько имѣю къ тебѣ до-
вѣренности, моя милая, что
въ томъ совершенно увѣрена.
И еслили мы уже начали этотъ
разговоръ, то я скажу тебѣ,
что приняла власть, которую
мать твоя дала мнѣ надъ по-
бою, какъ знакъ ея ко мнѣ
уваженія; но хочу быть ею
одолжена одной твоей прив-
язанности. Еслили найдется
человѣкъ почтенный, достой-
ный быть твоимъ супругомъ,
и пріобрѣтетъ твою любовь,
то будь увѣрена въ моемъ со-
гласіи. Я не буду осведом-
ляться о его состояніи: если-
ли онъ можетъ содѣлать благо-

получіе моей племянницы, то я и довольна. “

Какая минута для Гершруды! она готова была отырыть свою тайну, естълибъ воспоминаніе о томъ, что тетка ея такъ не любила Бернерса, не остановила ее. Однакожъ она очень желала узнать истинную причину ненависти госпожи Стангопъ къ человѣку, котораго она почитала своимъ любовникомъ; потому что все слышанное ею отъ Фридерика и отъ самаго Бернерса только лишь возбудило ея любопытство, нимало его не удовлетворя.

„Сударыня, сказала она теткѣ своей, благополучіе, которое милостивые ваші со мною

поступив доставляющъ мнѣ, помрачается горестію видѣть, что братъ мой заслужилъ вашу немилость. Я надѣюсь, что отсутствіе его во время вончины машушамъ, не почитаете вы непростительною виною. Онъ также давъ и вы сами не извѣстенъ былъ объ опасномъ ея положеніи; и едльлибъ хотя мало о томъ сомнѣвался, то вѣрно бы поспѣшилъ прѣѣхать въ ней. — Если въ немъ есть хотя исрачувспивительности, то онъ довольно наказанъ за это, и мнѣ нѣтъ надобности умножать упреки, которыми собственная его совѣсть должна терзать его. Мнѣ очень прискорбно, что онъ заставилъ

меня лишитъ его моего уваженія ; и онъ знаетъ съ каковыми условіями я возвращу ему его. Я требую , чтобъ онъ разорвалъ связь свою съ Бернерсомъ : другъ такого подлаго человека никогда не будетъ моимъ. “

Гертруда никогда не думала , чтобъ госпожа Стангопъ простирала до такой степени неудовольствіе свое противъ Бернера. Смущенная и почти пристыженная , она продолжала съ робостію :

„Фридерикъ извѣданна привязанъ въ господину Бернерсу. . . . Онъ имѣлъ попеченіе о немъ въ юности его , и родители мои много почитали его. — Потому что не знали

его. Я и сама въ такомъ же была бы заблужденіи на щетъ его характера, естлибъ произшедшее съ нимъ и господиномъ Монгомери въ париѣ, не просвѣтило меня. Марїяна, у которой я требовала изъясненій тому, послѣ долгаго сопротивленія, открыла мнѣ наконецъ, что Бернерсъ, которой одинъ только разъ видѣлъ ее у твоей матери, имѣлъ низость предложить ей здѣлаться любовницею твоего брата. И когда онъ и послѣ повтореннаго отказа ея, еще продолжалъ свои усилія уговорить ее, то она принуждена была позвать своего брата, которой тотчасъ и выгналъ его изъ дому. Бернерсъ, въ

ббшенствб, вызывалб господи-
ла Монгомери на поединокб,
но онб не согласился — и про-
изшествіе вб паряб было по-
слбдствіемб того. “

Это оббясненіе заблало Гер-
спруду на нбскольно минутб
безгласною: „Естьли вы поч-
но увбрены, сказала она на-
конецб тешушкб своей, что
онб такб поступилб. . . . —
Совершенно. Братб твой самб
вб томб согласился, взявб на
себя весь слбдб сего поступ-
на вб намбреніи оправдать
Бернерса. Я не хотбла гово-
рить обб этомб твоей мате-
ри, чтобб бесполезно не огор-
чать ее. “

Разговорб этотб прерванб
былб принесеннымб вб Гер-
Албертб Ч. II. О 2.

трудъ письмомъ. Оно было отъ ея брата, и ясно показывало сколь онъ былъ разсироенъ. Она отдала его госпожѣ Стангопъ, которая и сама читала его съ нѣкошорымъ участіемъ.

„Я вижу, что онъ страдаетъ, сказала она племянницѣ своей. Миніе его въ разсужденія тебѣ дѣлаетъ ему честь. Мнѣ очень жаль, что мы съ нимъ не лучшіе друзья; но намбреніе мое непремѣнно. Когда ты будешь писать къ нему, то скажи, что я не имѣла еще времени заняться моими съ нимъ щетами; и ему не для чего сообщитъ съ ашимъ.“

Герштруда удалившись въ свою комнату, долго размышляла о разговорѣ своемъ съ шестною. Желаніе оправдать неосторожной свой поступокъ, которой собственная совесть оуждала, рождало и те, чшобъ найти Бернерса извинительнымъ; но спыдъ любовника ея никакъ не былъ совмѣстенъ съ романтическии ея мыслями. Никогда ни одна героиня, или принцесса не видала, чшобъ съ ея любовникомъ такъ поступали, какъ Монгомери съ Бернерсомъ.

Нѣжное обхожденіе госпожи Стаягопъ такъ же не было забыто среди сихъ размышленій. „Какъ она добра! говорила Герштруда. Могу ли

я не имѣть въ ней совершенной довѣренности! . . . И однакожь какъ объявить ей о безразсудномъ моемъ поступкѣ, не лишась ея уваженія? . . . Безумная я! Бернерсъ удалился отъ меня: я общала себя забыть его, одинъ разговоръ съ нимъ поколебалъ мои намѣренія, и я дала ему это пагубное общаніе, предметъ теперешнихъ безпокойствъ моихъ и сожалѣній. “

ГЛАВА ХХХІІІ.

*Человѣколюбивый поступокъ.
Ослабѣвшее предубѣжденіе.*

Госпожа Стангопъ окончила дѣла свои въ Лондонѣ, и располагалась возвратиться въ деревню, какъ неожиданный прїѣздъ Алберта обрадовалъ ее. Она имѣла только время сказать своей племянницѣ: „Въ положеніи господина Монгомери и сестры его здѣлалась щастливая перемѣна. Я не говорила о томъ въ намѣреніи доставить тебѣ по прїѣздѣ нашѣмъ въ деревню прїятную нечаянность.“

Гершруда ничего не отвѣчала, или ошѣ того, что Ал-

берши вошедъ въ по самое время, не далъ ей времени говорить, или по причинѣ малаго участія, которое она принимала въ семъ извѣстїи, не любя Монгомери за поступокъ его съ Бернерсомъ.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Албертъ сказалъ госпожѣ Стангопъ, что онъ прїѣхалъ въ Лондонъ за архитекторомъ, котораго дада его хотѣлъ имѣть для разныхъ передѣлокъ въ Блавуудъ. А потомъ, продолжалъ онъ, Полковникъ поручилъ Марїаннѣ убрать домъ, полагаясь въ томъ болѣе на ея вкусъ, нежели на мой. Я завира окончу свое порученіе; и какъ по послѣднему письму нашему и

предполагаю, что вы намбрены скоро отправитесь отсюда, то буду имѣть честь проводить васъ, естли вамъ то не противно будетъ. — Я съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе, отвѣчала господа Стангопъ. Общество ваше разсѣетъ нашу грусть. И естли вы сего дня ни чѣмъ не заняты, то не угодно ли съ вами прогуляться? “

Албертъ согласился — и они всѣ трое отправились въ Гайдъ-Паркъ,

Никогда еще Гертруда не была въ столь тяжестномъ положеніи. Отвѣты ея Алберту, когда она не могла избѣжать ихъ, были холодно учти,

вы; и когда онъ подалъ ей руку, чтобъ высадить изъ кареты, то она невольно ошдернула свою.

Вместо того, чтобъ идти въ Кенсингтонской садъ, госпожа Стангопъ лучше хотѣла прогуливаться по берегу пруда, находящагося подъ стѣнами его, которой назывался *Серпантинъ-риверъ*. Албертъ былъ очень веселъ и старался занимать дамъ разными остроумными шутками. Госпожа Стангопъ смѣлась отъ всего сердца, и Гертруда, рѣшившись оставаться важною, не могла иногда удержаться отъ смѣха.

День склонялся уже къ вечеру и дамы возвращались назадъ

въ своей каретѣ, какъ увидѣли на противоположномъ берегу молодую женщину, которая скорыми шагами приближалась къ пруду. Госпожа Стангоу и Албертъ, занявшись разговоромъ, не обращали вниманія на эту женщину; но Гертруда, которой взоры обращены были на прудъ, вдругъ вскрикнула: „Боже! она бросилась въ воду; несчастная погибнетъ!“

При видѣ сей злополучной, которую одежда ея удерживала еще на поверхности воды, госпожа Стангоу оставалась неподвижна отъ ужаса; но Албертъ, не говоря ни слова, въ мгновеніе она сплывающъ свое

платье, бросается въ воду и поспѣшно плыветъ въ несчастной, которая уже два раза скрывалась подъ водою. За третьимъ разомъ она схватываетъ ее за руку и вытаскиваетъ на берегъ.

Госпожа Стангопъ и племянница ее поспѣшили тогда присоединить свои старанія, чтобъ возвратить эту женщину въ жизни. Между тѣмъ, какъ Албертъ ее поддерживалъ, Гертруда, освободивъ лице ее отъ закрывавшихъ его волосъ, онутала голову ее своимъ платкомъ и покрывала ее шалью, говоря съ жалостію: „Господинъ Монгомери! что вамъ дѣлать, чтобъ спасти ее?“

Тутъ собралось много людей, и Албертъ, принявъ здѣланное ему предложеніе отвести молодую женщину въ такое мѣсто, гдѣ ей здѣлано будетъ нужное пособіе, просилъ госпожу Стангопъ и племянницу ея ѣхать домой. Онѣ предлагали ему свою карету, но онѣ отказался, говоря, что когда увидишь эту несчастную въ опасности, то возьми наемную карету и прѣдешь уведомить ихъ.

Они оставили Гайдъ-Паркъ будучи очень заняты симъ произшествіемъ и не терпѣливо желая знать о послѣдствіи его. Госпожа Стангопъ боялась, чтобы Албертъ не про-

вступился, не могши переодѣться вышедъ изъ воды; и Гертрауда, удивляясь великодушному его поступку, раздѣляла безпечность своей тещи, забывъ, что она такъ не любила Монгомери. Молодая незнакомка повзала къ ней прекрасною, и она приписывала любви отчаянный ея поступокъ.

Прошло три часа; поставили ужинать; но ни одна изъ нихъ не хотѣла садиться за столъ. Наконецъ большой стукъ у дверей и голосъ Алберта заставили обѣихъ вздрогнуть отъ радости.

„Сударыни! сказала онъ

ииъ съ обыкновенною своею
 веделоспїю , а ииью удоволь-
 ствіе обьявить вамъ , что мо-
 лодая двушка , столько васъ
 обезпокоившая , виъ всякой опа-
 сности. Мы перенесли ее въ
 сосѣдній домъ , гдѣ употребили
 съ пользою обыкновенныя въ
 сихъ случаяхъ пособїя. Пере-
 мѣнивши платье , я опять былъ
 у нее , но она спала , и меня
 увѣрили , что нѣтъ уже ни
 малѣйшей опасности. — Миъ
 это очень прїятно , сказала
 госпожа Стэнгопъ ; но позволъ-
 те пожурить васъ за то , что
 вы сего дня выѣжали : это мо-
 жетъ быть вредно для вашего
 здоровья. Лучше бы было
 шотчасъ лечь въ постелю и

дорошенько укрывшись; а вамъ могли бы вы прислать сказать, что несчастная эта спасена. — Я увѣренъ, сударыня, отвѣчалъ Албертъ, что движеніе лучше всего предохранитъ отъ простуды. Къ тому же скажу вамъ, что съ малыхъ лѣтъ моихъ привыкъ я плавать и переносить всякую непогоду, что и здѣлало меня очень крѣпкимъ и способнымъ ко всякимъ трудамъ. И я чувствую теперь одну только слабость — чрезвычайный аппетитъ. «

Госпожа Стэнгопъ тотчасъ пошла за соколъ. Албертъ, видя, что белоногий ея о его здоровьи не совсѣмъ прошло, старался успокоить ее

совершенно, показывая въ самомъ дѣлѣ великой аппетитъ и особливо большую веселость. Онъ рассказывалъ множество разныхъ анекдотовъ и такимъ смѣшнымъ Шотландскимъ нарѣчіемъ, что она смѣялась до слезъ, равно какъ и Гертруда не смотря на намѣреніе ея не забавляться шуткѣ. Въ полночь онъ простился съ ними и возвратился къ себѣ въ каретѣ госпожи Стаягопъ, которую она принудила его взять.

Гертруда, возвратясь въ свою комнату, слишкомъ была занята приключеніями дня сего, чтобъ предаться сну. Поклонникъ Монгомери, равно со-

отвѣтствующій страсти ея во всему чрезвычайному и врожденнымъ чувствамъ чловѣчнолюбїа, конечно бы побѣдилъ ея сердце, естлибъ оне было свободно. Удивленїе брадо верхъ надъ ненавистїю ея къ нему, хотя она себѣ въ томъ и не признавалась.

„Должно признаться, говорила она, что нѣтъ чловѣка прїятнѣе и отважнѣе его. Однавожѣ, ваеться, судя по веселости его характера, нельзя предполагать въ немъ большой чувствительности. Ахъ! естлибъ Бернерсѣ былъ на его мѣстѣ и спасъ бы жизнь этой несчастной, онѣ не такъ бы былъ шѣмъ тронушѣ! харак-

теръ его такъ разборчивъ, такъ вѣжливъ, обращеніе такъ вротко, что непримѣтно обворожаетъ душу! Напротивъ того Монгомери, пылкой, скорой, самая большія опасности почитаетъ обыкновенными происшествіями, и равнодушіемъ своимъ уничтожаетъ впечатлѣнія ихъ. Естьли правда то, что говоритъ госпожа Стангопъ о Бернерсѣ, то я не удивляюсь больше поступку его съ нимъ. Однакожъ я не могу вѣрить, чтобъ тутъ не было прибавки: возможно ли? чтобъ Бернерсѣ взялся за такое подлое дѣло? "

Такия размышленія долго занимали Гертруду, и она только предъ сѣшомъ легла спать.

ГЛАВА XXXIV.

Любопытные люди часто узнают то, о чемъ совѣлю не освѣдомлялись.

На завтрашній день Албертъ опять провелъ вечеръ у госпожи Стангопъ. Его много спрашивали о спасенной имъ женщинѣ. „Она совсѣмъ почти оправилась, сказалъ онъ, и я перевезъ ее въ Мистрисъ Мозели, которая вѣрно будетъ обѣ ней имѣть должное попеченіе. Если она будетъ себя вести порядочно, то я надѣюсь, что дядюшка доставитъ Маріяннѣ средства быть ей полезною. — Я и сама охотно въ томъ буду участ-

вовашь, сказыада госпожа Стангопъ. Не узнали ли вы, что побудило ее въ лишенію себя живани? — На вѣрное не знаю; однакожъ думаю, что она была обольщена и оставлена; но мнѣ кажется она рождена съ добродѣтельными склонностями. — Бѣдняк! мнѣ хочется поухать къ ней съ Гертрудю. Можетъ быть старанія ваши о ней будутъ ей не бесполезны. — Какъ вамъ угодно, сударыня, отвѣчалъ Албертъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ; но такъ какъ она уже въ всякой опасности и находится въ добрыхъ рукахъ; то не лучше ли прежде поворооче узнатьъ ее, и тогда уже предложить ей ла-

шу помощь? Голова ее еще слаба, и вопросы могутъ быть для нее тягостны!“

Госпожа Стангдль столько была увбрена въ благоразуміи Алберта, что сей часъ съ нимъ согласилась. Но Гертруда совсѣмъ не такихъ была мыслей. Она, вспомя, что множество героевъ романовъ влюбилась въ красавца, которыхъ избавили отъ большой опасности, приписала такой же причинѣ и отавтъ Монгомери, подозрѣвала его въ намбреніи скрыть отъ взоровъ всѣхъ прекрасную незнакомку, и по врожденной въ женщинахъ страсти къ противорѣчю, еще большее получала желаніе увидѣть ее.

Албертъ, окончивъ свои дѣла приведшіе его въ Лондонъ, ожидалъ только, чтобы госпожа Стангопъ окончила свои, что не столько зависѣло отъ нее, какъ отъ нѣкоторыхъ приказныхъ, которымъ они были поручены. Наконецъ она собрала ихъ всѣхъ у себя, чтобы привести все къ концу; и во время этого ея съ ними переговора, Гертруда съ ея согласіемъ побѣжала къ Мистрисъ-Мозели за нѣкоторыми покупками, но болѣе для того, чтобы увидѣть молодую незнакомку.

Мистрисъ Мозели не было дома: но какъ ей сказали, что она скоро возвратится, то

Гертруда рѣшилась подождать. Ее ввели въ другую комнату, гдѣ молодая женщина занималась работою и увидя ее встала, чтобъ удалиться. Гертруда тотчасъ ее узнала — это была та самая, которую Албертъ вытащилъ изъ воды. Заставивши ее сѣсть, она внимателью ее разсматривала. Лице ея было прелестно: но не смотря на ея молодость, чрезмѣрная блѣдность, заплаканные глаза и видъ слабости ясно показывали, что она была несчастна. Гертруда не хотѣла упустить сего случая объяснить свои сомнѣнiя, но не знала какъ начать разговоръ.

„За чѣмъ вы работаете?“

сказала она ей наконецъ, хотя дрожащимъ голосомъ, но съ вѣжностію; подождите пока здоровье ваше укрѣпится. Вы не безпокойтесь о себѣ, друзья ваши будутъ печись о вашихъ нуждахъ. — Ахъ, сударыня, сказала она вставши съ смущеніемъ, вы меня знаете! . . . Г. Монгомери сказывалъ мнѣ, что я одолжена жизнью молодой барышнѣ: не были это? — Успокойтесь, моя милая, отвѣчала Гершруда посадивъ ее; это правда, что я первая васъ увидѣла, но Г. Монгомери одинъ васъ спасъ. Старайтесь только о вашемъ здоровьи и ободритесь. Друзья ваши не оставятъ васъ. — Я недостойна поливихъ мило-

стей : вы видите передъ собою несчастную, очень виновную ; но по крайней мѣрѣ я буду имѣть швердость сносить свой стыдъ. — Вы могли впасть въ заблужденіе ; но я увѣрена, что сердце ваше не порочно. — Ахъ ! я не достойна сего хорошаго мнѣнія вашего обо мнѣ. Вы молоды и хороши, сударыня, и вѣрне не въ такомъ положеніи, которое бы подвергало васъ въ роломству мущинъ.“

Гертруда задрожала при сихъ словахъ, какъ бы эта дѣвушка узнала ея тайну. Но подумавъ, что это было невозможно, она продолжала : „Естьли намъ не въ тягость

будетъ рассказать мнѣ ваши
 несчастія, то я буду имѣть
 тогда болѣе причинъ просить
 тетушку за васъ. — Я съ
 охотою исполню ваше жела-
 ніе, сударыня, умолчавъ объ
 одномъ только обстоятельствѣ,
 которое впрочемъ для васъ
 не очень и любопытно бу-
 детъ. Мнѣ не надобно связы-
 вать имени одной дамы. Г.
 Монгомери сказавъ мнѣ не
 называть ее, увѣрилъ, что
 эту даму подло оклеветали. “

Эти слова еще болѣе ут-
 вердили въ умѣ Гертруды по-
 дозрѣнія ея на счетъ Монго-
 мерии. Она просила молодую
 незнакомку почитать ее сво-

нив другомъ и рассказать ей что можно изъ своей исторіи.

„Меня зовущъ Бетси Суттернъ, сказала она тогда. Два мѣсяца тому назадъ... У меня была мать... Ее уже нѣтъ больше!... Будучи давно вдовою, она жила умѣренно, отдавая въ наймы поном своего дома. Въ прошедшемъ году она отослала меня въ деревню къ тещѣ моей, которая была больна, и я оставалась тамъ до совершеннаго ея выздоровленія. Во время моей отлучки у матушки нанялъ часть покоевъ одинъ Г. Сентъ-Остенъ, и жилъ въ нихъ съ другомъ своимъ Г. Бернерсомъ. Какъ они рѣдко бывали дома,

шо мы мало и видѣли ихъ...
 Не, Боже мой! сударыня, вамъ
 дурно; я позову кого нибудь.“

Гершруда удержала ее за
 руку, увѣривъ, что это ниче-
 го и просила продолжаться.

„Нѣсколько дней спустя по
 возвращеніи моемъ, матушка
 здѣлалась параличъ. Вопль мой
 привлекъ къ намъ господина
 Сентъ-Остена, которой самъ
 доставилъ намъ нужную по-
 мощь съ такою поспѣшностію
 и заботливостію, что я ни-
 когда того не забуду. Матуш-
 ка выздоровѣла, а Г. Сентъ-
 Остенъ дни чрезъ два побѣжалъ
 въ деревню. Другъ его за
 нимъ не послѣдовалъ, и увѣ-

рвалъ мени попомбъ , что для
того остался, что никакъ не
могъ рѣшиться со мною быть
въ разлукѣ. Словомъ, судары-
ня , онъ искалъ возможныхъ
случаевъ бытъ со мною на
единѣ , старался поселить во
мнѣ довѣренность , показывая
мнѣ честныя намѣренія; толь-
ко просилъ меня не говорить
о томъ матушкѣ , пока окон-
читъ одно дѣло, которое очень
его беспокоило. Это было
обѣщаніе жениться , данное
имъ одной богатой и знатной
дѣвицѣ , которой фамилія мог-
ла погубить его , если онъ
его не здержитъ. Какъ я ему
въ томъ не вѣрила , то онъ
точно показавъ мнѣ письмен-
ное обѣщаніе, подписанное тою

дѣвицею . . . . Вы блѣднѣете , сударыня ; я боюсь , чтобъ вамъ не заблѣлось обморока . Я позову когонибудь . — Нѣтъ , нѣтъ , вскричала Герштруда , схвативъ ее за руку . Дайте мнѣ только стаканъ воды , это сей часъ пройдетъ . “

Но много справилась она просила Бешси продолжать : а какъ зовутъ эту дѣвицу ? спросила она у нее . Вы вѣрно можете сказать мнѣ ея имя ? — Извините , объ немъ то и должна я умолчать . Г. Монгомери , знавъ его , заставилъ меня обѣщать никому не говорить о немъ , и я была бы слишкомъ не благодарна , еслибы не сдержала своего

слова; въ тому жь онъ увѣрилъ меня, что та записка была подложная, и что Бернерсъ человекъ слишкомъ малозначущій, чтобъ эта дѣвица, или ее фамилія, занимались имъ. Но я прежде ни мало не подозрѣвала его злымъ; и по непопытности своей вѣрила всему, что онъ мнѣ говорилъ. Поведеніе его со мною совсѣмъ не подавало мнѣ причинъ бояться его, и свиданія наши были очень часты или въ Паркъ, или въ другихъ публичныхъ мѣстахъ. Г. Сентъ-Оспенъ, возвратясь изъ деревни, не знаю какъ открылъ нашу тайну, и чрезъ нѣскольکو дней оставилъ свою квартиру въ нашемъ домѣ. Я ни-

когда не забуду того, что онъ
сказалъ мнѣ прощаясь съ нами.
Объявши меня въ присутствіи
матушка, онъ подалъ мнѣ пер-
стень, говоря, что проситъ
меня принять его какъ знакъ
памяти, и когда я выберу
себѣ супруга съ согласія ма-
тушки, то не лишишь его
удовольствія проводить меня
къ алтарю.... Это благора-
зумное предостереженіе не
послужило мнѣ въ пользу. Бер-
нерсъ такое имѣлъ надо мною
вліяніе, что я продолжала
видѣться съ нимъ тайно.
Однажды ввечеру, когда
мы были вмѣстѣ, онъ вдругъ
сказалъ мнѣ, что ему дурно
и просилъ-меня войти съ нимъ
въ соседній домъ. Тамъ онъ

далъ мнѣ стаканъ лимонаду ,
и потомъ . . . Извините , су-
дарыня , я не могу больше ска-
зать вамъ . . . Ахъ ! за чѣмъ
этомъ лимонадъ не былъ для
меня ядомъ?“

Бетси въсколько минутъ
не могла продолжать своего
повѣствованія , и Гертруда не
думала ее въ тому побуж-
дать.

„Наконецъ , продолжала не-
щастная , онъ взялъ наемную
карешу и проводилъ меня по-
чти до воротъ нашего дома.
Я постучалась , но никто не
отвѣчалъ мнѣ ; и какъ у насъ ,
кромѣ матушки и одной слу-
жанки никого не было , то я

начала спрашиваться, а особливо, когда ночной сторожъ на улицѣ сталъ кричать, что било одиннадцать часовъ; до шѣхъ поръ я не подозрѣвала, чтобъ было такъ поздно. Однакожъ послѣ долгаго ожиданія и стуку, я разбудила служанку, которая вышла вся заспаная отворить мнѣ дверь.

„Ахъ, Боже мой! сударыня, сказала она мнѣ, гдѣ вы такъ долго были? Я удивляюсь, что машушва вамъ не отворила; она отослала меня спать, сказавъ, что сама будетъ васъ ожидать, и очень беспокоилась, вѣрно теперь она уснула. — Не отвѣчая ей ничего, я поспѣшно вошла въ ком-

нату матушки . . . и нашла ее лежащую на полу . . . безъ чувствъ . . . и безъ дыханія . . . Ахъ, сударыня , вы плачете , и я могла плакать , пока не заблалась столь виновною ! . . . А теперь глаза мои сухи . . . Еслибъ я могла проливать слезы , мнѣ бы легче было . “

Послѣ нѣкотораго молчанія , она продолжала : „Мать моя , безпокоясь конечно о моемъ отсутствіи и предполагая вѣрно , что мнѣ приключилось какое нибудь несчастіе , получила вторичный ударъ паралича , и хотя призванный тогда же докторъ увѣрялъ меня , что никакая человѣческая помощь не могла спасти ее ;

однакожъ я всегда буду думать, что безпокойство о моемъ отсутствіи было причиною ея смерти, и что Богъ призвалъ ее къ себѣ, чтобы она не была свидѣтельницею моего безчестія.“

Видъ отчаянія, который тогда изобразился во всѣхъ чертахъ лица злополучной Бетси, привелъ въ ужасъ Гертруду. „Вы послѣ расскажете мнѣ конецъ вашего повѣствованія, сказала она ей, взявъ ее за руку; теперь вы очень расстроганы. — Нѣтъ, нѣтъ, сударыня: я теперь въ послѣдній разъ въ жизни рассказываю мои несчастія — и мнѣ уже очень мало остается

ся сообщить вамъ. Послѣ ма-
тушки оспались долги и для
заплаты ихъ продали все на-
ше имущество. Тогда я на-
няла себѣ квартиру въ Найтс-
бриджъ и не слыхала тамъ
о Бернерсѣ ничего до самого
того дня, когда чуть было не
здѣлалась самоубійцею. Въ
тотъ день онъ совсѣмъ неочи-
данно вошелъ ко мнѣ съ весе-
лымъ лицомъ, и приближаясь
ко мнѣ въ намѣреніи обнять
меня говорилъ мнѣ, что те-
перь ничто уже не могло быть
препятствіемъ нашему благо-
получію. Я съ ужасомъ ош-
толкнула его, и вышедъ по-
спѣшно изъ комнаты въ страш-
номъ отчаяніи, добѣжала до
парка . . . . — Довольно, до-

волью , сказала Гертруда въ
 смященіи . За чѣмъ имѣла я
 пресупное любопытство уз-
 нать ваши несчастія , я , ко-
 торая первая должна бы быть
 вашею утѣшительницею ? —
 Вы совершенный Ангелъ ,
 вскричала Бетси . Мои зло-
 получія заставили васъ проли-
 вать слезы . Не могу ли я
 узнать вашего имени ? Я всю
 жизнь мою буду молить Бо-
 га о вашемъ благополучіи . . .
 буду ли я еще имѣть щастіе
 васъ видѣть ? — Безъ сомнѣ-
 нія ; я навѣки останусь ва-
 шимъ другомъ . — Господинъ
 Монгомери сазывалъ мнѣ ,
 что вы имѣете чувствитель-
 ную и благородную душу ; и

что со временемъ я узнаю ваше имя. — Безполезно и жестоко бы было долбе его отъ васъ скрывать. Я называюсь . . . “

Голосъ Монгомери, которой Гертруда въ то время услышала, заставилъ ее остановиться. Сколько мнѣе ее о немъ было теперь различно отъ того, какое она о немъ имѣла прѣбывавъ въ Мистрисъ Мозели! она ясно видѣла, что онъ единственно для нее отговаривалъ Госпожу Стангопъ и ее самую отъ намѣренія видѣть Б е т с и. Заставивъ эту дѣвушку скрывать имя Гертруды, прѣобрѣлъ онъ право на чувствительнѣйшую ее

признашельность; теперь она ясно видѣла всю великость своей неосторожности и стыдилась ея.

„Какъ! вы здѣсь, сударыня! — и одни, сказалъ Монгомери вошедъ въ комнату; позвольте мнѣ сказать вамъ, что посѣщеніе ваше неосторожно. Мисъ Сутерландъ имѣетъ нужду въ покоѣ: вопросы могутъ привести ея на память тяжостныя воспоминаванія; а я увѣренъ, что вы не желали бы умножить ея несчастія. Я надѣюсь также, что обѣщаніе, которое она мнѣ здѣлала . . . — О! я его исполнила, сказала Бетси: я не меньше помню мои обязан-

ности, навѣ и мой стыдъ и смерть малушки... Эта великодушная дама была пронута моими несчастіями, и хотѣла было сказать мнѣ свое имя, которое вы считали нужнымъ скрыть отъ меня. — Позвольте мнѣ, сударыня, проводить васъ домой, сказалъ Албертъ Гертрудѣ, взявъ ее за руку. — За чѣмъ же не исполнить ея желанія, отвѣчала она стараясь высвободить свою руку. — Здѣлайте милость, сударыня, не противтесь. Я не сомнѣваюсь, продолжалъ онъ, оборотясь къ Бепси, чтобъ эта дама не была для васъ другомъ очень полезнымъ; и то же обѣщаю вамъ отъ имени сестры мо-

ей; но не старайтесь теперь узнать того, что я щитаю благоразумнѣе скрыть отъ васъ. “ И не давъ Гертрудѣ времени отвѣчать, онъ проводилъ ее въ другую комнату.

„Извините меня, сударыня; но я боялся, чтобъ чувствительность ваша не довела васъ до извясненій, кои дляя мнѣ кажутся теперь не совсѣмъ приличны. Нещастія этой бѣдной дѣвушки разстроили ея мысли. Когда время нѣсколько облегчитъ ея горесть, тогда можно будетъ объявить ей имя особы, которой она столько обязана. — Она ничѣмъ мнѣ не обязана, отвѣчада Гертруда не смѣя взгля-

путь на Монгомери, дабы не встрѣшить его взора.“

Мистрисъ Мозели вошла очень испуганно вывести ее изъ замѣшательства. Она вспомнила тогда за чѣмъ къ ней прѣѣхала, и отдавъ ей свои приказанія, пошла въ своей каретѣ въ сопровожденіи Монгомери, который сказалъ ей, что надѣется имѣть честь видѣть ее ввечеру у Госпожи Спангопъ; но она ничего ему не отвѣчала не смѣя ни говорить съ нимъ, ни взглянуть на него.

„Боже мой! что я здѣлала? сказала она оставшись одна въ своей каретѣ. Хорошо же

я награждена за мое любопытство! какому извергу хотѣла я ввѣрить мое благополучіе! Но нѣтъ! никогда! лучше умереть, чѣмъ быть его женою! . . . . Тетушка очень справедливо его ненавидѣла. Но что она обо мнѣ подумаетъ, когда узнаетъ пагубную мою неосторожность? . . . Однакожъ я брошусь къ ногамъ ея, и все открою ей. Если она отринетъ меня; то по крайней мѣрѣ я буду имѣть то утѣшеніе, что исполнила долгъ свой: эта мысль усладитъ мою горестъ. “

Эти тягостныя размышленія занимали ее всю дорогу; и когда она прїѣхала, то

не смотря на все ея стараніе скрыть свое смятеніе, Госпожа Стангопъ замѣтила его и спросила ее съ беспокойствомъ, не случилось ли въ ней чего нибудь непріятнаго.

„Ахъ, тетушка, сказала ей Гертруда, я узнала вещи, которыя привели меня въ ужасъ. Неосторожное любопытство привело меня въ Мистрисъ Мозели, гдѣ мнѣ хотѣлось видѣть ту несчастную, которую Господинъ Монгомери вчера спасъ. Она рассказала мнѣ свои несчастія; и я теперь удостовѣрилась, что и сама была очень неосторожна и виновна.“

Госпожа Стангопъ смотрѣла на нее съ удивленіемъ. „Что ты говоришь, моя милая? . . . Конечно любопытство твое предосудительно, но ты довольно за то наказана смущеніемъ, въ которомъ я тебя вижу. — Ахъ! тетушка, вы не знаете истинной тому причины; и хотя бы вы стали презирать меня, но я не могу болѣе молчать: я отворю вамъ мое сердце.“

Госпожа Стангопъ подумала, что чрезвычайное смущеніе разстроило ее расудовъ. „Ты меня огорчаешь, мой другъ. Исторія этой бѣдной двушки слишкомъ тебя рас-

прогала. — Ахъ! тешушка, вопричала Гертруда обливаясь слезами, будьте ко мнѣ менѣе милостивы: я того не достойна. Вы не знаете до какой степени я была безрасудна. Я болѣе случаю, нежели самой себѣ обязана щастіемъ, что не совсѣмъ еще погибла. — Гертруда, сказала ей тогда господа Стангопъ съ величайшимъ безповойствомъ, ты знаешь сколько я тебя люблю: открой мнѣ свое сердце; ты будешь говорить вѣжливѣйшему другу. “

Мысль Сентъ-Остенъ бросилась предъ нею на колѣни: „Что скажете вы, тешушка, сказала она закрывъ обѣими

руками лице свое, когда узнаете, что я дала письменное общаніе опдапль мою руку величайшему изъ злодѣевъ. — Я не буду умножать упрековъ собственннй твоей совѣсти. Естьли ты еще не замужемъ, то въному можно помочь. Скажи мнѣ, кто этотъ бездѣльникъ, который могъ употребить во зло твою неопытность? — Я не смѣю назвать его. — Вѣрно Берверъ. Уже нѣсколько разъ обхожденіе его съ тобою показалось мнѣ очень странно. Но будучи отъ природы не подозрительна, я ничего о томъ не заключала. Что? угадала ли я? “

Молчаніе Гертруды было
очень яснымъ ошвѣтомъ.

„Бездѣльникъ! продолжала
госпожа Стангопъ; я всегда
его ненавидила. . . . Но что
за причина, что ты такъ
своро переѣвнила свои о немъ
мысли? Еще недавно, мнѣ по-
мнится, ты говорила о немъ,
какъ о человѣкѣ достойномъ
всякаго уваженія.“

Тогда Гертруда рассказала
ей все, что слышала отъ Мисъ
Сушернъ.

„Не распевайсямъ больше
въ своемъ любопытствѣ, ска-
зала ей госпожа Стангопъ,
когда она окончила свое повѣ-

ешвованіе; самъ Богъ внушала тебѣ его, чтобы исхитить тебя изъ пропасти, открытой подъ тобою. Конечно Бернеръ в думалъ, что по смерти твоей матери ты останешься властительницею своего имѣнія, потому что обѣщаніе, данное тобою въ несовершеннолѣтствѣ, не могло тебя связывать. Онъ и самъ вѣрно это зналъ, но надѣялся на твою неопытность. Успокойся, мой другъ; довѣренность твоя ко мнѣ порукою за твою осторожность впредѣ. “

Гертруда слишкомъ была тронута милостями своей тещи, чтобы быть въ со-

стояніи навѣявши ей всю свою признательность. Но условясь немного рассказала ей подробно все, что происходило у нее съ Бернерсомъ съ самаго того времени, когда она съ нимъ познакомилась.

„Я увѣрена, сказала госпожа Станголь, что братъ мой не знаетъ о семъ подломѣ его поступкѣ. Я напишу ему объ этомъ. Еслилибъ онъ могъ быть участникомъ сей низости, то я никогда бы не согласилась и видѣть его.

Гертруда оправдала своего брата, рассказавъ ей разговоръ, который имѣла съ нимъ за нѣсколько дней до смерти господи Селшъ-Остенъ.

Монгомери пришёл в неё
вечеру, но Гертруда не смѣ-
ла видѣть его, и удалилась в
свою комнату.

КОНЕЦЪ I I-й ЧАСТИ.